

И. Коноплинъ

БЕЗКРЕСТНЫЯ МОГИЛЫ

Очерки изъ недавняго



ИЗДАТЕЛЬСТВО „ТРУДЪ“
БЕРЛИНЪ / 1922



Всѣ права принадлежатъ автору.

Alle Rechte behält sich der Autor vor.

ВЮНСДОРФЪ

Типографія Артели „ПЕЧАТНОЕ ИСКУССТВО“ при У. М. С. А

1922 г.

Предлагаемый рядъ очерковъ, прагматически строю несвязанныхъ между собой, есть не больше, какъ заштриховка пережитыхъ впечатлѣній въ дни гражданской войны на Украинѣ.

Всякія политическія ситуаціи я исключаю: это внѣ моихъ задачъ и внѣ моей компетенціи. Я попытался дать картины той обстановки и тѣхъ многообразныхъ настроеній, которыя сопровождали походъ одного изъ маленькихъ отрядовъ, а, слѣдовательно, и десятка друиыхъ ему подобныхъ. Много пошло безвѣстныхъ въ эти суматошные дни. Надъ ихъ безкрестными могилами еще и еще заплачетъ будущая Россія, когда улягутся разгулявшіеся страсти и успокоятся враждующіе умы.

И. КОНОПЛИНЪ.

1922 г., Берлинъ.

КЪ ЮГУ

Это было въ смятенные дни 18—19 г.г.

Зима неторопливо раскладывала свой бѣлый коверъ надъ полями Украины. Уже на сѣверной ея границѣ играли мгlistыя вьюги, гудѣли вѣтры, близился острый, холодный январь.

Въ Курскѣ бряцалъ угрожающимъ мечомъ Троцкій, въ Харьковѣ объявлялъ и закрѣпилъ свою республику Балабачанъ, а недалеко отъ Кіева буйствовали отряды Пятакова и Евгеніи Бошъ.

Антибольшевистскія гражданскія и военныя организаціи въ безпорядкѣ отступали на югъ; инныя отходили къ западу, намѣреваясь пробраться черезъ германскую границу. Разбросанные по всѣмъ угламъ Украины отряды спѣшно и неорганизованно снимались съ мѣста и тоже уходили... Всѣ перемѣшались: балабачановцы дрались съ гетмановцами, эристовцы* съ кирпичевскими** группами, петлюровцы сами съ собой... Всѣ эти стычки носили характеръ случайностей, но безъ убитыхъ и раненыхъ дѣло не обходилось.

* Отряды кн. Эристова.

** Группы ген. Кирпичева.

Со всѣхъ сторонъ на насъ ползли черные, неprovѣренныя слухи, обрывки случайныхъ извѣстій, бѣглыя намеки, но фактическаго столкновенія съ большевиками не было.

Къ первому января съ сѣверной границы Украины отъ р.р. Сейма и Десны почти всѣ отряды уже отступили къ Днѣпру, безпокойно и тревожно двигаясь дальше къ югу.

Въ числѣ другихъ отступалъ и нашъ отрядъ.

Избирали пути, кто какъ умѣлъ. По огромнымъ, снѣжнымъ полямъ дни и ночи двигались санные обозы, шли усталыя, удрученныя толпы народа, одѣтыя въ шинели и пиджаки, съ мѣшками на плечахъ, съ винтовками и шашками. За ними тянулись орудія, гремя по замерзлымъ дорогамъ, обозы съ пулеметами, развѣдочныя команды.

Измученные и обезсиленные переходами люди часто падали въ снѣгъ и замерзали. Рѣдко кто заботился о ихъ судьбѣ. Среди отступающихъ развилось пьянство — пили по деревнямъ „самогонку“, губительно разрывающую и безъ того неорганизованные антибольшевицкіе ряды. И въ дѣйствительности они скорѣе походили на маленькіе, шаткіе островки среди бушующаго моря, чѣмъ на твердыя, неуступчивыя скалы, за которыми была бы сила и сопротивленіе. Знали ли мы, что дѣлается на югѣ? — Абсолютно нѣтъ. „Слухи“ долетали: кто-то и что-то готовится, ѣдутъ французы, везутъ съ собой страшныя танки, чудовищныя ультра-фіолетовыя лучи. Вѣрили мало, но къ югу шли; шли безъ дорогъ, потому что боялись ихъ... Глухая тревога давила и безпощадно гнала все дальше и дальше отъ сѣвера.

БАХМАЧЪ

Почти въ сумерки мы оставили маленькій городокъ Путивль. Черезъ замерзшее поле мы двинулись къ полотну желѣзной дороги, задуваемые снѣжной мятьею и порывами буйнаго вѣтра.

Молчали. Тоска надвинулась холодно и угрюмо. Едва-едва вытягивали ноги изъ вязкихъ сугробовъ. Уныло шумѣлъ лѣсъ у дороги. Лаяли на деревнѣ собаки. Какая-то затаенная горечь и безкрайняя обида сжимали сердце и на глаза набѣгали слезы. Куда же идти?

Уже стемнѣло. Вотъ все ближе и ближе вырисовывается изъ мяти глухая станція. Это — Путивль. Я знаю — тамъ за нею, въ нѣсколькихъ шагахъ мой домъ. Меня ждутъ. Ни отецъ, ни мать не подозрѣваютъ того, что мы проходимъ въ эту ночь мимо... куда?.. неизвѣстно... Во всякомъ случаѣ — къ югу.

Станція Грузское. Въ селѣ тихо. Кое-гдѣ еще горятъ вечерніе огни. На запасныхъ путяхъ стоятъ заброшенные вагоны. Вѣтеръ шумно раз-

гуливаетъ между ними. Одинокій затушенный паровозъ, казалось, прислонился къ башнѣ водокачки и задремалъ въ темнотѣ.

— Отчего бы намъ не поѣхать составомъ? — сказалъ кто-то.

— Вѣрно.

Доложили командиру отряда В.; снарядили рабочихъ, послали своего машиниста, начались приготовленія. Остальная часть отряда размѣстилась по избамъ. Въ окнахъ заблестѣли частые огни, по дворамъ зашумѣли упряжью и пулеметами. На краю села кто-то запѣлъ. Новый притокъ грусти и раздумій.

На разсвѣтѣ насъ разбудилъ сигналъ.

— Строиться.

Снова суета, торопливыя приготовленія. Къ пустой станціи потянулись повозки съ продуктами, пулеметныя и др. Загрохотали по мерзлой землѣ орудія; село проснулось, оживилось возбужденнымъ говоромъ и выкрикомъ солдатъ. Кое-гдѣ у воротъ стояли бабы. Онѣ тихонько крестились, сопровождая насъ испуганными взглядами.

— Ну, господа, — сказалъ В., обращаясь къ офицерамъ, — на вашей обязанности лежитъ прежде всего позаботиться объ охранѣ своихъ людей, а затѣмъ и о планомѣрномъ распредѣленіи имѣющихся продуктовъ; объ остальномъ мы поговоримъ въ Конотопѣ.

Погрузка повозокъ и лошадей, пулеметовъ и орудій была произведена скоро и безъ особыхъ затрудненій. Около полудня мы выѣхали изъ Грузского на Конотопъ, гдѣ по слухамъ уже

скопились разныя части, главнымъ образомъ черноморскія, подъ руководствомъ атамана Ангела*. Почти неотступно за нами изъ Ворожбы уже двигалась большевистская конная развѣдка.

Въ Конотопѣ, какъ и слѣдовало ожидать, всѣ пути были забиты. Эшелоны за эшелонами отходили на Бахмачъ. На вокзалѣ стоялъ невообразимый гудъ толпы. Бродили солдаты. Усталыя лица, злая ругань, неясныя, глухія угрозы...

Командиръ послалъ меня къ Ангелу за справкой.

— Вы кто такіе? — рѣзко спросилъ онъ, когда я вошелъ въ его вагонъ.

— Мы... — я запнулся. Сказать: „Эристовцы“ — нельзя. Ангелъ, по выраженію его солдатъ, „демократычна людына“ — онъ противъ гетмана, противъ Петлюры, противъ всѣхъ. Но кто же мы?

— Мы черноморцы! — сказалъ я.

— А... ладно, — раздумчиво кинулъ Ангелъ, — вамъ отправляться сейчасъ.

Я сообщилъ командиру о моемъ разговорѣ съ Ангеломъ. Онъ втихомолку улыбнулся.

— Это хорошо, — сказалъ В., — вы избавили насъ отъ лишнѣхъ объясненій съ „демократычною людыною“.

Къ вечеру эшелонъ нашъ мѣрно катился къ Бахмачу. Оттуда открывалась отдушина. Хотѣлось въ это вѣрить...

Въ Бахмачъ пріѣхали, когда сумерки окончательно затянули окрестности; станція спала глубокимъ сномъ. Только одинъ сиротливый фонарь

* Впослѣдствіи крупный бандитъ, причинившій не мало хлопотъ всѣмъ властямъ, пребывавшимъ на Украинѣ.

мерцалъ надъ входной дверью у платформы. Село, раскинутое за станціонными постройками, тоже мирно спало. Неуемный вѣтеръ безпокойно бѣгалъ по крышамъ избъ и, путаясь въ деревьяхъ, уныло шумѣлъ. Изъ служащихъ только одинъ начальникъ станціи. Мы подошли къ нему.

— Отчего это никого нѣтъ, кромѣ васъ?
— спросили мы.

На его худомъ, блѣдномъ и усталомъ лицѣ скользнула и сейчасъ же быстро стерлась неопредѣленная улыбка.

— А не знаю, — вздохнулъ онъ, — должно быть бояться васъ.

— Чего же насъ бояться?

Онъ ничего не отвѣтилъ.

Черезъ часть паровозъ набралъ воду, дежурная часть произвела нагрузку дровъ и подготовила эшелоны къ дальнѣйшему пути.

Почти больной, начальникъ станціи все время помогалъ намъ и старался держаться у всѣхъ на глазахъ.

Я не выдержалъ и подошелъ къ нему.

— Вы бы спать пошли, — сказалъ я.

Онъ махнулъ рукой.

— Уже недѣли двѣ вотъ такъ... ничего...

Было искренно жаль этого неустаннаго труженика во всѣхъ „революціяхъ“, которыя тянулись длинной вереницей передъ его глазами...

Къ часу ночи было отдано распоряженіе выставить посты и выслать за вокзалъ дозоры: мы остаемся въ Бахмачѣ до разсвѣта.

Ночь дышала жестокимъ холодомъ. Дулъ острый вѣтеръ, дерзко нагибая къ сугробамъ березы и ели... Что-то загадочное залегло въ спящихъ окрестностяхъ. Съ трудомъ прокрадываясь сквозь громоздящіяся въ небѣ тучи, на землю падалъ синеватый лунный блескъ, разбѣгаясь мутнымъ серебромъ по снѣжнымъ полямъ. Въ вагонахъ слабо дрожали огни, едва-едва пробиваясь черезъ замерзшія окна. Гдѣ-то близко крикнулъ пѣтухъ. Кашлянулъ часовой на площадкѣ вагона у пулемета. Все какъ будто заковалось въ мертвый серебряный сонъ...

Внутри вагоновъ — одни играли въ карты, другіе пили чай, третьи „самогонку“, четвертые, сбившись въ кучу, спорили о политикѣ и большевикахъ.

Вдругъ среди общей тишины два громкихъ раскатистыхъ ружейныхъ выстрѣла и чей-то предостерегающій крикъ.

— Что такое?

Я бросился къ постамъ у пулеметовъ*.

Грянулъ ружейный залпъ. Пули злобно и рѣзко визгнули по вагонамъ, съ дребезжаніемъ и звономъ посыпались стекла, послышались стоны. Я обернулся: изъ за снѣжнаго наноса у полотна плелось буйное, огненное кольцо; переливчато-мрачно рокотали пулеметы напавшихъ на насъ. Воздухъ оглашался двухсторонними криками. Изъ вагоновъ падали люди: одни убитыми, другіе ранеными, третьи съ винтовками, готовясь погибать.

Я лежалъ у пулемета. Бѣшено дрожалъ онъ въ моихъ рукахъ, изрыгая ленту за лентой. Что

* Я былъ начальникомъ пулеметной команды въ эшелонѣ.

тамъ впереди насъ было? Куда летѣли пули, кого поражали? Я не зналъ. Я билъ по снѣжной насыпи, я злобствовалъ, я водилъ вправо и влѣво сыплющій пулями стволъ, стараясь подавить тамъ, на насыпи, сверкающіе огни, гремящіе залпы ружей... Вдругъ я почувствовалъ какъ что то острое прокололо мнѣ руку. Она свалилась съ ручки и пулеметъ затихъ... Ко мнѣ подбѣжали. Изъ глупины вагона дико, истошно кричала женщина:

— Спасите, спасите... дѣточку, дѣточку убили... Ааа...

Падали лунные блики. Я видѣлъ, какъ ползала женщина на колѣняхъ по полу, нелѣпо взмахиwała руками, хваталась за искривленный ротъ и падала на мѣшки въ проходѣ.

Кто-то громко, пытаюсь заглушить выстрѣлы, крикнулъ:

— За мѣшки, скорѣй!

Женщина стонала, а за вагонами дрожало отъ бѣшенago огня воздухъ и трепетали безобразные, жуткіе крики.

Черезъ двѣ, три минуты за водокачкой раздалось:

— Ура....а...а...

Эхо въ глухихъ улицахъ, разбуженныхъ ночнымъ безуміемъ, звучно откликнулось. Кто-то тяжело дышалъ, на площадкѣ слышенъ былъ жалкій, придушенный плачъ.

Мы спасены, отбились. Напавшіе бѣжали черезъ лѣсъ за деревню, оставивъ убитыхъ и раненыхъ.

Мы бросились къ „ихъ“ линіи; валялись еще теплые трупы, стонали раненые. Одиноко чернѣлъ

на снѣгу брошенный пулеметъ Кольта и рядомъ патронные ящики.

Господи, что же это такое? Неужели это мы — братья — русскіе...

Ночь длилась, какъ душный сонъ. Утихли крики... Холодно, страшно, съ тупымъ равнодушіемъ лила мутновато-серебряный свѣтъ на эту картину луна. Люди бѣгали, суетились, бросали трупы во рвы, втаскивали ихъ для чего-то на пустыя вагонныя площадки. Цѣпляясь за поручни, я влѣзъ на площадку. На меня глянули чьи-то круглые, стеклянные глаза. Я остановился. Зацѣпившись за буферные крючки, у желѣзныхъ прутьевъ площадки торчала чья-то фигура. Я окликнулъ. Ни звука. Я тронулъ рукой солдата — онъ былъ убитъ. Губы отвисли — большія, синія; щеки бѣлыя съ темными пятнами. Кто онъ?

Отвращеніе меня давило. Я переборолъ его и полѣзъ къ мертвецу въ мѣшокъ. Порылся. Черезъ минуту среди тряпья нащупалъ какой-то свертокъ — газета и въ ней записная книжка: Семень Бородиловъ изъ д. Виры, Сумскаго уѣзда, Харьковской губерніи, военноплѣнный изъ Германіи... Какъ попалъ онъ къ намъ?

Впечатлѣніе недолго хранилось въ сердцѣ и памяти: Бородилова бросили на полъ въ углу вагона; черезъ него ходили, цѣплялись ногами и громко отругивались по этому поводу. Потомъ вынесли и бросили въ канаву.

Все успокоилось. Трупы засыпали снѣгомъ, пулеметы стащили обратно на площадки. Поѣздъ вытянулся длинной, черной лентой къ выходной стрѣлкѣ. До разсвѣта надо оставить эту станцію, идти на Прилуки, а оттуда на Бѣлую Церковь... Почему? — неизвѣстно. Вѣрно одно — здѣсь скопляются банды. Связанные по рукамъ и ногамъ желѣзнодорожнымъ движеніемъ мы не имѣемъ возможности скрыть свои планы, какіе бы они ни были; двигаясь вдоль полотна дороги, мы даемъ бандамъ карты въ руки: онѣ знаютъ нашъ путь, мы не знаемъ ихняго...

Четвертый часъ ночи. Мы безшумно трогаемся. Люди идутъ съ винтовками рядомъ съ вагонами, едва-едва ползущими.

— Трахъ... тах... тах...

Засыпали снова ружейные выстрѣлы изъ-за избы. Вслѣдъ затѣмъ отъ водокачки на насъ черной вздыхающей массой, пыхтя и рыча, полѣзъ паровозъ.

— Начиненъ снарядами! Братцы, берегитесь... — крикнулъ какой-то солдатъ.

Неудержимой лавиной люди кинулись подъ откосы, въ занесенные снѣгомъ рвы, за бугры, съ бьющимся сердцемъ ожидая конца.

Паровозъ все ближе и ближе. Еще минута и окрестности огласятся потрясающимъ взрывомъ...

Но вдругъ рѣзкій вскрикъ орудія поколебалъ воздухъ: паровозъ зашипѣлъ и, коротко вздохнувъ, остановился. Чья-то фигура, взметнувъ руками въ воздухъ, упала внизъ съ площадки эшелона, гдѣ стояло орудіе. Люди бросились къ сбитому паровозу. Кто-то кричалъ: — Переводи стрѣлку! Берегись!

Изъ-за деревьевъ трещали ружейные выстрѣлы; на ярко освѣщенномъ снѣгу — тучи сбѣжали — обрисовывались цѣпи противника.

— Впередъ! — закричалъ полковникъ Ц., — пулеметы на бугоръ... Влѣво по линіи, въ цѣпь!...

Защелкали затворы, лязгнули штыки. Приподнимаясь и снова падая, обѣ стороны подбирались другъ къ другу. Гдѣ-то по оврагу, хлопая ногами въ таломъ снѣгу, побѣжали „наши“ дозоры. Среди треска ружейной пальбы раздалась гдѣ-то за избами глухіе и зловѣщіе крики:

— Ура...а. Бей...ей...ей...

Въ минуту вся черная линія „тѣхъ“, другихъ смялась, безпорядочно ломаясь и обрываясь, падала на снѣгъ и, снова поднимаясь, бѣжала къ околицѣ... Жестокій огонь изъ „нашихъ“ рядовъ затрещалъ имъ вослѣдъ.

Къ намъ въ цѣпь привели „плѣннаго“.

— Кто такой?

— Командиръ „ихъ“ третьей роты, — торжествующимъ голосомъ возвѣстилъ капитанъ Г.

— Какъ поймали?

— Очень просто: эта сволочь спутала, гдѣ „ихъ“, гдѣ „наши“ — отвѣчалъ Г., зловѣще бросая на плѣннаго недобрые взгляды.

— Ну?

— Изъ-за риги кричитъ: „Товарищи, стой, не стрѣлай, я вашъ командиръ И-кій!“ Я кричу ему — „иди сюда, товарищъ!“

— Видите, — пришелъ!

— Господа, — перебилъ Г. чей-то торопливый голосъ, — женѣ полковника Ц. четыре пули попали въ грудь, кончается...

— Аа... черти.

— Ну что, братецъ? — спросилъ глухимъ голосомъ Г. пойманнаго и увѣсисто, круто выругался.

— Это что у тебя въ карманѣ? — допытывалъ онъ все тѣмъ же заглушеннымъ голосомъ „плѣннаго“.

— Во...одка.

— Аа... давай сюда.

Я смотрѣлъ на „плѣннаго“: жалкая, скомканная, полупьяная фигура. Сѣрые, безвыразительные глаза, лицо изсиня-блѣдное.

Смотритъ на всѣхъ, какъ будто что-то старается прочесть на ихъ лицахъ. Его повели къ вагонамъ.

— Товарищи, что со мной будетъ? — спросилъ онъ.

— Разстрѣляютъ, — угрюмо отвѣтилъ какой-то солдатъ.

У сторожевой будки его приставили къ стѣнкѣ.

— Товарищи, позвольте перекреститься?

— Крестись.

Онъ нелѣпо началъ вычерчивать дрожащей рукой крестъ въ воздухѣ.

— Стой, довольно.

— Аа... закричалъ онъ. Глаза сдѣлались мутными, нездѣшными.

— Бах...ах...

Трупъ упалъ на взбитый, грязноватый снѣгъ.

Брезжилъ холодный разсѣтъ, когда мы тронулись. Синяя полоска загоралась вдаль за деревней, потомъ становилась лиловой и мутнобагрянистой. Въ ближайшихъ селахъ звонили къ заутренѣ — завтра Срѣтеніе Господне. Печально разливались звоны по снѣжнымъ, соннымъ полямъ.

ЧЕРЕЗЪ ДНѢПРЪ

Только у самого Кіева бросили эшелонъ и пошли въ снѣжныя поля.

На собранныхъ въ окрестныхъ селахъ подводахъ потянулись низкими болотами и перелѣсками къ Днѣпру. По пути догнали нѣсколько мелкихъ отрядовъ — они тоже уходили къ югу. Кто они были? Богъ вѣдаетъ.

Ночевали въ селахъ, по избамъ. Крестьяне допытывались, кто мы такіе: „чи петлюровцы, чи большевики, чи гетьманцы?..“ Что надо было отвѣчать, когда мы сами запутались и не знали, кто мы?..

— Ну, такъ чья же возьметъ? — задавали по селамъ вопросъ.

Я тогда же подумалъ: какъ далеко стоитъ крестьянинъ отъ заразы гражданской бойни; мы сами нарушаемъ это цѣнное спокойствіе его души и тянемъ его за собой въ непролазный омутъ политической борьбы.

Въ одномъ селѣ передъ Днѣпромъ я ночевалъ въ избѣ старика. Онъ былъ сѣдой, какъ мохъ въ сѣверныхъ лѣсахъ. Забираясь на печку съ отдышкой и кряхтѣніемъ, онъ спросилъ меня:

— А чи долго оно это будетъ?

— Что, дѣдъ? — удивился я.

— А такой порядокъ.

— Какой?

— Да война эта проклятая. Воюють, воюють, а толку никотораго. То за гетьмана, то за Петлюру, то еще выдумаютъ кого-нибудь. Украина... гм... да я всю жизнь прожилъ, ніякой Украины не знавъ, да и знать не хочу... ніякаго убивства, да грабежу не было...

Онъ долго ворчалъ и отплевывался на печкѣ. Я молчалъ. Что можно было отвѣтить старику, у котораго въ рукахъ сѣдая правда: „безъ убивства и грабежу...”

Къ вечеру на второй день мы подходили къ Днѣпровскимъ гребнямъ; они еще издали заблестѣли намъ вершинами въ снѣжномъ серебрѣ. Солнце ярко и ослѣпительно, не грѣя, било рассыпанными лучами по ихъ крутымъ склонамъ.

Дохнуло вѣтромъ. Дребезжали желѣзные щиты на орудіяхъ, поскрипывали сани, фыркали лошаденки.

— Эй, ты! — задорно выкрикивалъ какой-то парнишка, подстегивая кнутомъ свою гнѣдную.

Мужики курили, перебрасывались между собой ничего незначащими фразами.

— На ярмарку ѣдешь, Кузьма?

— Надыть, да не знаю... Прикупить бы сѣрой на подмогу...

Онъ любовно тыкалъ кнутовищемъ въ животь сѣрой кобылы, съ трудомъ тащившей сани съ пулеметами. Я думалъ: что будетъ, если этотъ

крѣпкій, спокойный мужикъ скажетъ свое слово? Невеселое это будетъ слово. Пока онъ идетъ рядомъ, мирно попыхиваетъ цыгаркой, любитъся лошадкой и смотритъ на свои горы тамъ, за Днѣпромъ, пока онъ добродушно улыбается... Пока!

Когда стемнѣло, мы подошли къ д. Андруши. Это очагъ, гдѣ родилась потомъ зеленая армія*. Изъ дворовъ вышли дѣвки и бабы съ ребятишками. Кое-гдѣ стояли толпами мужики и разговаривали.

— Здорово, Петро! — кричали изъ толпы.

— Здорово, Федотъ! — отвѣчали изъ обоза.

— Куда везешь служивыхъ?

— А не знаю — простодушно отвѣчалъ Петро и отмахивался рукой.

У моста остановились передохнуть передъ подъемомъ на горы.

Снизу, изъ лозняка, кто-то громко крикнулъ:

— Эй, смотрите, трупъ.

Кое-кто нехотя спустился туда посмотрѣть.

Подошли мужики.

— Это кто-же его полоснулъ? — спросили мужиковъ изъ отряда.

— А не знаемъ... Зеленый должно. Вчера былъ тутъ со своей командой.

На таломъ снѣгу лежала фигура „гайдамака“, изуродованная шашечными ударами рѣшительно по всѣмъ направлѣніямъ. Глаза, очевидно, для забавы, выковыряны шашкой...

* Первый ся руководитель атаманъ Зеленый, учитель изъ д. Синцы.

— Такъ и лежитъ уже сутки — сказалъ мужикъ, — безъ крестовъ, подъ лознякомъ — оно удобно...

И глупо разсмѣялся.

Мостъ оказался нетронутымъ. Мы перешли его безъ затрудненій. За нимъ дорога круто подымалась и взбираться по ней было не легко. Люди помогали лошадямъ, тащили цѣпями за колеса орудій, и черезъ полтора часа мы вышли наверхъ. Впереди тянулась кривая, холмистая дорога на Бѣлую Церковь.

Уже была ночь. Я оглянулся...

Глубоко внизу хлесталъ размытый Днѣпръ, а за нимъ далеко, упадая въ надвинувшуюся темноту, едва-едва бѣлѣло снѣжное поле. Въ небѣ четко горѣли звѣзды, какъ умытыя.

Изъ Андруши доносился собачій лай.

БѢЛАЯ ЦЕРКОВЬ

Сюда мы подошли на четвертый день. По улицамъ уже метались на разгоряченныхъ лошадяхъ украинскіе казаки съ красными, черными, синими шлыками. Они наводили панику на жителей своей безшабашной „храбростью“. Мы размѣстились въ еврейскомъ кварталѣ, въ грязной улицѣ, недалеко отъ базара. Офицеры и солдаты тотчасъ отправились въ центръ, къ ресторанамъ. Шла бойкая торговля — въ магазинахъ, ресторанахъ, у рундуковъ.

Казалось, ничто не предвѣщало близости большевиковъ съ сѣвера.

Къ ночи въ Бѣлую Церковь стекло множество частей: онѣ пришли изъ Фастова, изъ Умани и другихъ городковъ и мѣстечекъ. Въ ресторанахъ началось пьянство. Въ переулкахъ появились драки. Перепившіеся солдаты избивали непокорныхъ имъ „большевиковъ“ изъ мѣстнаго населенія. Около двухъ часовъ ночи въ центрѣ вспыхнула бойня: „украинскіе“ броневики столкнулись съ кирпичевской группой, объявившей себя „частью русской арміи“... Нѣсколько чловѣкъ убитыхъ до вечера слѣдующаго дня лежали

на дорогѣ въ разрыхленномъ снѣгу. Потомъ ихъ отнесли къ поломанному забору у бакалейной лавочки и бросили тамъ.

На утро произошелъ еврейскій погромъ. Кто-то бросилъ на вѣтеръ неосторожную фразу: „кирпичевцевъ натравили на броневиковъ евреи“... Избіеніе началось въ какомъ-то ресторанчикѣ. „Значковый“* Голубъ ударилъ еврея — хозяина.

За него заступились. „Значковый“ позвалъ гайдамаковъ. Сначала избили до крови хозяина, разнесли его буфетъ, побили витрины, потомъ кинулись по домамъ. Къ вечеру появились трупы: звѣрски искромсаны двое мужчинъ и зарѣзана одна женщина. Разумѣется, никто не мѣшалъ пьянымъ казакамъ: полное безвластіе развязало имъ руки.

На третій день нашего пребыванія въ Бѣлой Церкви передъ сумерками я зашелъ въ одинъ ресторанъ. Въ большой залѣ, залитой электрическимъ свѣтомъ, стояли два длинныхъ стола, покрытые бѣлыми скатертями. На столѣ играли разноцвѣтными огнями хрусталь и вина.

Что такое? — спрашиваю официанта. Чуть-чуть улыбаясь глазами, онъ сказалъ:

— Украинскій интендантъ женится...

— Аа...

Я уѣхалъ въ другой залъ такъ, чтобы можно было оттуда все наблюдать.

Черезъ десять минутъ съ холодной улицы донеслись возбужденные голоса и пыхтѣніе автомобилей. Въ залъ ввалилась разноцвѣтная толпа въ желтыхъ, синихъ, бѣлыхъ, красныхъ лампасахъ,

* Адъютантъ.

въ серебряныхъ эфесахъ, въ причудливыхъ каф-
танахъ... Среди толпы выдѣлялся виновникъ тор-
жества въ синей чимеркѣ польскаго покроя со
шнурками на груди. Они шумно разсѣлись вокругъ
столовъ. Говорили по украински, при чемъ многіе
изъ нихъ безобразно коверкали русскій языкъ.
Заинтересованный своеобразнымъ празднествомъ
среди общаго развала и бѣгства я задержался
въ ресторанѣ.

Послѣ первыхъ бокаловъ вина поднялся
какой-то гайдамакъ. Всѣ затихли.

— Товарищи, — обратился онъ ко всѣмъ
присутствующимъ — что такое сейчасъ вся жизнь?
Мы должны быть вѣрными сынами нашей Укра-
ины до конца, до послѣдней капли крови. Рос-
сіяне хотятъ насъ поработить, но это имъ не
удастся. Слава.

— Слава! Слава! — заревѣла вся ватага.

— Товарищи, — закричалъ кто-то — стой...Я
поднимаю мой бокалъ за такихъ стойкихъ и чест-
ныхъ работниковъ на благо нашей родины, какъ
Фома Максимычъ (чиновникъ). — Слава! Слава!
— Слава...а...а...гудѣло за столами.

Чиновникъ любезно кланялся и улыбался.

А когда я вышелъ изъ ресторана, у дверей
стояла какая то толпа людей, одѣтыхъ въ пид-
жаки и оборванные кожанки. Они жадно загляды-
вали въ ресторанъ черезъ стеклянные двери, при-
влеченные криками „слава“. Въ ихъ угрюмыхъ
лицахъ можно было прочесть много интереснаго
— очень много.

ЧЕРНОМОРЦЫ

Въ городъ пришли части, которыми Петлюра гордился — Черноморцы. Они высадились изъ эшелоновъ на Дарницѣ и гужевымъ порядкомъ дошли до Бѣлой Церкви.

Многіе вообще не знаютъ, что представляли собой на Украинѣ Черноморцы.

Первая организація ихъ была положена въ Винницѣ. Здѣсь же созрѣло тайное согласіе и рѣшеніе между Петлюрой (онъ сидѣлъ въ то время въ Кіевской тюрьмѣ) и Паліемъ (начальникомъ Конотопскаго гарнизона при гетманѣ). Ихъ представители имѣли большое совѣщаніе въ Винницѣ, и отсюда началось движеніе противъ Скоропадскаго. Въ то же время Палій двинулъ части „сѣрожупанниковъ“ по Курско-Кіевской линіи.

Такимъ образомъ Черноморцы явились основой тѣхъ силъ, съ которыми Петлюра началъ свои операціи. Въ дальнѣйшемъ, когда палъ гетманъ, начались разстрѣлы русскихъ офицеровъ въ Кіевѣ, аресты общественныхъ дѣятелей не Петлюровскаго толка — Черноморцы были двинуты къ сѣверной границѣ Украины — къ Коренной Пустыни. Они считались мощной единицей (три батальона). Однако, у Конотопа Черноморцы

принуждены были разбиться на двѣ части. Слухи подтверждали, что большевики („Корпусъ Троцкаго“) идутъ на югъ по двумъ линіямъ: Хуторъ-Михайловскій — Конотопъ и отъ Коренной Пустыни черезъ Ворожбу на Кіевъ. Обѣ группы отборныхъ петлюровскихъ „частинъ“* твердо надѣялись пріостановить движеніе „россіянь“. И дѣйствительно — за Ворожбой передовики Троцкаго (развѣдка), услышавъ о Черноморцахъ, пріостановились.

Что касается Хутора-Михайловскаго, то тамъ произошли печальныя для черноморцевъ событія, которыя предрѣшили дальнѣйшія взаимоотношенія между ними и большевиками.

Черноморцы думали: палъ гетманъ, укрѣпляется демократическая власть „батьки Петлюры“ — зачѣмъ „россіяне“ будутъ съ ними враждовать?

Выслали дозоры для переговоровъ съ наступающими — Парафіановскимъ совѣтскимъ полкомъ.

Долго ихъ ждали. Зарождалась тревога. Наконецъ, на разсвѣтъ слѣдующаго дня къ передовымъ постамъ Черноморцевъ подѣхала телѣга безъ возницы. На днѣ ея лежали обезображенные трупы дозорныхъ. Ихъ свалили вмѣстѣ съ пристрѣленной лошадыю въ глубокую канаву, и части стали отходить къ желѣзнодорожному узлу.

Батальонъ, высланный черезъ Ворожбу къ Коренной Пустыни, не доѣхалъ туда: его встрѣтили огнемъ у большого села Бурыни. Отсюда начался откатъ Петлюры и отсюда же весь его политическій пафосъ пошелъ на убыль.

* Частей.

Когда армія Петлюры, съ которой онъ взялъ Кіевъ, неожиданно, какъ огромная волна, разбилась на множество мелкихъ волнъ и растеклась по всѣмъ дорогамъ и перелѣскамъ Украины, изъ нея выдѣлилась маленькая группа нетронутой и нерасплывшейся — это все тѣ-же Черноморцы. Они составляли собой авангардъ и арріергардъ и главныя силы отступающаго „атамана“. При каждомъ батальонѣ было по 1-2 орудія легкаго типа, по 5 пулеметовъ „Максима“ и по нѣскольکو снарядовъ. Это считалось большою силой. Петлюра цѣнилъ нѣкоторую стойкость Черноморцевъ, и главное назначеніе ихъ было — охранять его Штабъ.

Въ Бѣлой Церкви Черноморцы сразу же приступили къ наведенію порядка. Вечеромъ въ день ихъ прихода по приказанію лихова „батъки“ кавалеристовъ Меляшкевича (московскій банкиръ) на городской площади былъ разстрѣлянъ за буйство и грабежъ какой-то солдатъ. Трупъ его нарочно бросили на виду у всѣхъ у рундука, на которомъ заботливой рукой кто то вывѣсилъ бумажку: „Петръ Курленко. Разстрѣлянъ за грабежъ. Изъ с. Ставы, Кіевской губ., того же уѣзда“.

Меляшкевичъ былъ грозой для многихъ. Вѣчно пьяный, онъ требовалъ рабскаго подчиненія себѣ, а встрѣчая сопротивленіе, хватался за револьверъ и стрѣлялъ въ лобъ непокорному. Съ нимъ неразлучно была его жена — какая-то провинціальная артистка. Она въ шелкахъ, брилліантахъ и мѣхахъ; онъ съ ногъ до головы въ бархатѣ, серебрѣ и шелку.

Въ желтыхъ сапогахъ, въ польскомъ жупанѣ съ бѣлымъ башлыкомъ, франтовато откинутомъ назадъ, онъ производилъ выгодное боевое впечатлѣніе. Солдаты на него молились и называли всегда „батькой“. Причины крылись въ томъ, что онъ потворствовалъ всѣмъ ихъ „нескромнымъ наклонностямъ“ (такъ онъ говорилъ мнѣ), но лишь въ пути; на остановкахъ онъ строго наказывалъ за „ошибки“.

По пути отступленія онъ безцеремонно заглядывалъ во всѣ банки и кассы. Называлось это на его языкѣ — „эвакуація казны“.

Изъ Кіева долетѣли тяжелыя, угнетающія вѣсти; на Бѣлую Церковь ведетъ наступленіе коммунистъ Пятаковъ. Опять потянулись по сѣрымъ, грязнымъ дорогамъ къ безвѣстной пристани длиннѣйшіе обозы, снова вязли орудія, копошились люди, дохли лошади отъ чрезмѣрной усталости и безкормицы.

ПО РАЗНЫМЪ ДОРОГАМЪ

Итакъ въ общей суетливой гушѣ мы — четвертый (?) Черноморскій полкъ. Кто будетъ разбираться въ нашей „оріентаціи“? Мы идемъ на Казатинъ, остальныя части неизвѣстно куда. Никакихъ плановъ, никакой организаціи, нѣтъ общаго руководства. Петлюра гдѣ-то затерялся у Винницы.

По полямъ играетъ, злобствуя и воя, снѣжная буря.

Шумятъ надъ дорогой вѣковые лѣса графини Браницкой. Они тянутся на огромномъ разстояніи, теряясь на горизонтѣ.

Тоскливо. Опять раздумье. А буря, казалось, нарочно пѣла. — Гу-у-у-у... носилось въ глубинѣ лѣса. Вязли и падали люди, падали лошади. Кто-то устало запѣлъ въ обозѣ:

По діброві вітеръ віє,
Гуляє по полю,
Край дорозі гнэ тополю
До самого долу...

Печальный мотивъ обрывался и падалъ въ завояхъ бури. Становилось пусто и томительно. Ко мнѣ подошелъ поручикъ И.

— Тоска! — сказалъ онъ, — боюсь за жену и ребенка. Что тамъ?... Онъ тяжело вздохнулъ.

— Да, что тамъ? — хочу я спросить, но языкъ не выговариваетъ словъ, и я отворачиваюсь молча.

Къ полудню буря затихла, блеснуло солнце. Мы вошли въ большое село Кривушинцы, раскинувшееся по холмамъ надъ безымянной рѣчкой. У гати качались оснѣженные, тяжелыя березы, слегка поблескивалъ темный ледъ рѣки. Гурьба ребятишекъ выбѣжала намъ навстрѣчу. Здѣсь мы ночевали. Долго, мучительно обдумывали, что дѣлать дальше. Рѣшили двигаться на Одессу. Туда-же тянулись по разнымъ дорогамъ и всѣ остальные части. Жители, пробиравшіеся на сѣверъ, рассказывали, что у станціи Раздѣльной скопляются греки, французы и англичане... У нихъ большая техническая организація и крупныя стратегическія задачи. Это бодрило насъ.

Къ ночи снова закрутила вьюга. Когда возшла круглая, какъ мѣдный котелъ, луна, выслали въ кривыя, усыпающія улицы дозоры. Многіе улеглись спать, другіе читали, а кое-гдѣ по избамъ „дулись“ въ карты или пили „самогонку“ и пѣли пьяными, разбродными голосами жалкія пѣсни. Вскипали и тухли драки на улицахъ, изрѣдка прорывались выстрѣлы. Усыпая, я слышалъ, какъ свирѣпо барабанила вьюга въ окна, швыряя снѣжные комья, и жалобно выла по улицамъ. Что-то зловѣщее было въ этихъ тоскующихъ порывахъ.

ТЕАТРЪ

Ружинцы — большое мѣстечко, населенное исключительно евреями. На грязной площади стоитъ, хмуро насупившись, синагога и рядомъ съ ней православная церковь. За обрывомъ, позади рундуковъ и низенькихъ, страшно исхлестанныхъ дождями и вѣтромъ домиковъ, течетъ безымянная, бурная рѣчушка. Желтая глина оползаетъ и окрашиваетъ ея небогатыя воды. Тутъ же устроены двѣ сомнительной чистоты бани и какой-то наскоро сколоченный изъ досокъ сарай. Это — мѣстный театръ.

За скатомъ, у опушки лѣса, возвышается старинный барскій домъ съ высокими облупившимися колоннами и съ разбитыми окнами въ рѣшеткахъ.

— Это чья усадьба? — спросилъ я старика еврея, у котораго мы остановились съ пріятелемъ поручикомъ Н.

— Князя Ш... — отвѣтилъ еврей, — разгромена, но два сына живутъ еще во флигелѣ съ управляющимъ.

— Тамъ можно достать за деньги сѣна или овса для лошадей? — спросилъ я.

— О, да.

Мы отправились съ Н.

Насъ встрѣтилъ эlegantный молодой человекъ у воротъ и любезно спросилъ, что намъ угодно. Я объяснилъ.

— Да, да, я васъ понимаю — сказалъ онъ, улыбаясь, — но, къ сожалѣнію, у насъ ничего нѣтъ.

— Но я заплачу деньги — сказалъ я.

— Не могу помочь вашему горю — отвѣтилъ онъ, размахивая руками и уходя въ домъ.

Мы посмотрѣли съ Н. другъ на друга.

За широкимъ дворомъ, на гумнѣ, возвышались большіе скирды овсяной соломы и стога сѣна.

— Что это значитъ?

Къ намъ тотчасъ подбѣжалъ толстый мужчина въ широкомъ, неуклюжемъ пиджакѣ, съ лоснящимся лицомъ и масляными губами.

— Вамъ, г. г., что угодно? — торопливо спросилъ онъ.

Я объяснилъ.

— А, найдется, найдется... пожалуйста черезъ заднія ворота — сказалъ онъ, — только вы ужъ заплатите...

Я оборвалъ его:

— Мы даромъ ничего не беремъ.

Онъ быстро закивалъ головой и побѣжалъ черезъ дворъ къ гумну.

— Вотъ всегда такъ было и есть: рѣдко даютъ отъ избытка — сказалъ Н.

Глаза его сдѣлались странно-злыми, бѣгающими. Я зналъ, что онъ по своимъ убѣжденіямъ

„полуленинец“, хотя въ рѣдкихъ случаяхъ онъ высказывался.

— Большой былъ бы ущербъ ему, этому князьку, продать пудъ овса и возъ сѣна? — сказалъ онъ, бросивъ недружелюбный взглядъ на домъ, куда ушелъ молодой человѣкъ. — Придутъ большевики, убѣжитъ; ни сѣна, ни овса съ собой не возьметъ, — добавилъ Н. — Такъ всегда было, — продолжалъ онъ, — законъ крайностей точенъ: одни умѣли выжимать даже изъ навозной кучи деньги и бѣшено ихъ расточать, другіе умѣютъ бѣшено разрушать все дотла, во всю ширину скифской фантазіи. Одни другихъ стоятъ, но одни заслуживаютъ снисходительности за свое вѣковое невѣжество, а другіе не заслуживаютъ ея вовсе за... за подавленіе въ себѣ этой снисходительности къ другимъ...

Сѣно и овесъ мы, разумѣется, получили, и въ этотъ день лошади наши были сыты.

Вечеромъ мы, сверхъ ожиданія, развлеклись въ театрѣ.

— Священное убожество — сказалъ Н., — но эти огоньки ярче горятъ тѣхъ, которые зажигаютъ холенныя руки въ городахъ.

Я не спорилъ съ нимъ.

Мѣстные любители во главѣ со смѣлымъ молодымъ человѣкомъ Р. сыграли жалкій водевильчикъ. Солдаты неистово хлопали всей труппѣ. Въ концѣ вечера выступалъ Р. съ куплетами „развеселыхъ одесситокъ“ вродѣ:

Я потихонечку шагнулъ
И въ шелку тихо заглянулъ,
И что увидѣлъ я тогда,
Вы догадайтесь, господа.

Его ужимки и легкая припрыжка вызвали у солдатъ восторгъ.

Послѣ программы молодой человѣкъ Р. рѣшилъ быть любезнымъ: онъ пригласилъ цѣлую группу офицеровъ на ужинъ за кулисы. Я спросилъ его, для кого устраиваются эти вечера, вѣдь еврейское населеніе врядъ-ли ходитъ на украинскіе спектакли. Р. отвѣтилъ:

— Сегодня спеціально для вашихъ солдатъ. Хочется имъ, бѣднымъ, поразвлечься: походъ — походомъ, а жизнь — жизнью.

ВЪ ПУТИ

Рано утромъ, когда багряное солнце выглянуло изъ-за лѣса, затянутого еще туманомъ, мы вышли на дорогу, готовясь къ выступленію.

Воробьи задорно кричали на заборахъ и плетняхъ; шумливо шугали крыльями вороны на церковныхъ крестахъ и карнизахъ. Шла медленно и вкрадчиво весна...

Спускаясь съ горы къ мутной рѣчушкѣ, солдаты залиvisto, съ буйной удалью, запѣли, какъ будто никакой гражданской войны и не было, никакихъ убійствъ ради цѣлей и цѣлей ради убійствъ:

Парень тутъ какъ тутъ случился,
Улыбнулся, наклонился,
Сталъ ласкаться...

Мотивъ, рожденный, казалось, въ эти минуты изъ бодрыхъ, оцѣлованныхъ солнцемъ настроений, кружился узорно въ чистомъ звонкомъ воздухѣ.

Сталъ ласкаться... я... я...

заканчивали тенора у дребезжащихъ пулеметными
читами повозокъ.

За сѣрымъ мостомъ, у канавы, обросшей
лознякомъ, кто-то свистнулъ и позвалъ къ себѣ.

— Ребята, смотри-ка — мертвый.

Мы подошли. Откинувъ расклеванные воро-
нами руки къ головѣ, лежала помятая фигура
какого-то мужчины лѣтъ тридцати съ рыжей
бородой и щетинистыми усами. Щеки его заты-
нула мертвая синева, волосы слиплись отъ грязи
и дождя и беспорядочно нависли на исцарапан-
ный пулями лобъ.

— А, чортъ — выругался штабсъ-капитанъ
К..., — умѣли убить, не умѣли спрятать, сволочи!
Какъ будто на потѣху проѣзжимъ выставили...
Скоро всѣ пути-дороги обратятъ въ моргъ.

Мы отошли. Когда взобрались на холмъ, я
обернулся: надъ мертвецомъ кружилось нѣсколько
воронъ; онѣ громко каркали и шумно хлопали
крыльями.

— Будетъ пиръ — подумалъ я.

Солнце подбиралось все выше, выше...

ЧЕРНОРУДКА

Прошли Казатинъ. Остановились въ глухомъ селѣ Чернорудка вблизи станціи. Выяснилась обстановка: въ сосѣднемъ имѣніи находится штабъ командующаго „Кіевщиной“ ген. Данильчука. Самъ Петлюра находится въ Винницѣ — это его излюбленная резиденція. Три первыхъ полка (Черноморцы) занимаютъ боевую позицію въ ближайшемъ селѣ Вишняки; тамъ-же расположился съ своими „неустрасимыми“ „батька Меляшкевичъ“.

Изъ штаба коменданта „Кіевщины“ каждый вечеръ приносились разнообразныя извѣстія, главнымъ образомъ, утѣшительнаго характера: у Березовки французы перешли въ наступленіе и тѣснятъ большевиковъ къ сѣверу, у Тирасполя бои въ пользу союзниковъ, у Вознесенска греки успѣшно продвигаются... Мы не вѣрили ничему и были правы: штабъ выдумывалъ эти свѣдѣнія для того, чтобы поддерживать у насъ бодрое настроеніе. Едва-ли это удавалось ему: днями и ночами шло тяжелое, безпросыпное, глухое пьянство, карточная игра и жуткіе, безсмысленные споры.

Въ поискахъ сѣна для лошадей я забрелъ въ Чернорудское имѣніе.

Меня направили къ управляющему. Послѣдній оказался моимъ старымъ знакомымъ. Я просидѣлъ у него до вечера. Мы говорили о многомъ, а главное припоминали общихъ знакомыхъ, ихъ судьбы въ наши суматошные дни, какъ вдругъ бѣшено промчалось нѣсколько всадниковъ въ красныхъ шлыкахъ съ пиками.

— Что такое?

Мы выбѣжали.

— Гдѣ штабъ ген. Данильчука? — возбужденно крикнулъ одинъ изъ нихъ.

Ему указали.

— А что случилось? — спросилъ я.

— Батько Меляшкевича убили...

— Кто?

— Свои... вотъ везутъ его.

По каменистой дорогѣ дребезжала телѣга, сопровождаемая нѣсколькими всадниками въ черныхъ, красныхъ и голубыхъ шлыкахъ, съ ощеренными пиками.

Я заглянулъ въ телѣгу. На брошенной пучками соломѣ, покрытой сѣрымъ полотнищемъ, въ бѣлой рубашкѣ, залитой кровью, лежалъ Меляшкевичъ; все его лицо было исковеркано пулями и вдобавокъ ко всему отъ лѣвой брови до шеи лежалъ красный рубецъ отъ шашечнаго удара.

— Кто это сдѣлалъ? — спросилъ я у одного изъ провожатыхъ.

— Ротмистръ Малиновскій, да фельдфебель Кобецъ.

— За что его?...

— Не знаю. Сказываютъ чегой-то не поладили.

— А какъ это вышло?

— А такъ... и казакъ разсказалъ несвязно, улавливая и теряя какую-то тайну, невеселую исторію.

Оказывается, артистка въ ночь убійства куда-то выѣхала. „Батька Меляшкевичъ“ всю ночь пилъ — глухо, злобно, въ одиночествѣ. Передъ разсвѣтомъ къ нему постучали.

— Кто тамъ? — пьяно спросилъ онъ.

— Малиновскій.

— Не пущу, къ чорту! — крикнулъ Меляшкевичъ.

— Надо, — настойчиво стучался въ дверь ротмистръ.

— Не пущу, уйдите... всѣ вы предатели.

За дверью наступила тишина. Меляшкевичъ продолжалъ пить. На столѣ курился огарокъ свѣчи. Такъ было до зари.

Опять кто-то постучалъ.

— Ну? — грозно окрикнулъ „батька“.

— Это я, Кобецъ, — сказалъ вкрадчиво фельдфебель.

— Тебѣ что надо? — спросилъ озлобленно „батька“. Онъ взялъ со стола револьверъ и подошелъ къ двери. Долго возился съ крючками и задвижками и, наконецъ, открылъ. Въ ту же минуту передъ нимъ во весь ростъ выросла фигура ротмистра Малиновскаго.

— А, запирайтесь! — крикнулъ онъ и съ размаху выстрѣлилъ въ грудь Меляшкевичу. Послѣдній упалъ, но, катаясь на полу, онъ успѣлъ выпустить двѣ пули въ ротмистра съ крикомъ — гдѣ брилліанты?

— Вотъ гдѣ! — отвѣчалъ ротмистръ и вса-
дилъ въ его голову и лицо еще нѣсколько пуль.
Меляшкевичъ затихъ. Кобецъ и ротмистръ пере-
рыли съ какой-то цѣлью подушки на кровати,
мимоходомъ вытащили изъ походной сумки „бать-
ки“ шестьсотъ тысячъ царскихъ. Потомъ сор-
вали съ убитаго верхнее платье и, вытянувъ его
на мерзлую дорогу, бросили въ грязную лужу.

— Вотъ твоя могила, — сказали они и,
какъ ни въ чемъ не бывало, разошлись по своимъ
избамъ.

Когда взошло солнце и по деревнѣ засуетил-
ся народъ въ утреннихъ хлопотахъ, Меляшкевича
увидѣли совсѣмъ синимъ, той мертвой синевой,
которая сопровождаетъ большое кровоистеченіе
при немало выпитомъ винѣ.

— А гдѣ же его жена? — спросилъ я
казака.

— Она пріѣхала послѣ.

— Плакала?

— Немного... Сказываютъ, что ротмистръ
Малиновскій ходилъ чегой-то къ ней — деньги
штолъ отдавалъ.

— А гдѣ теперь она?

— Куды-то уѣхала...

— А ротмистръ?

— Онъ тоже скрылся...

Послѣ я слышалъ, что артистка выѣхала
съ ротмистромъ за границу. Разумѣется, погони
за ними не было, да и кому до нихъ дѣло?..

Устроили свое „счастье“ такъ, какъ хотѣли.

Грознаго „батьку“ похоронили въ саду, въ густомъ вишнякѣ у канавы. Вырыли наскоро яму, сколотили деревянный гробъ и, опеленавъ его сѣрыми полотнищами, втиснули туда. На безкрестную могилу „батьки“ положили шапку со шлыкомъ и въ горбъ земли воткнули кривую шашку.

Такъ безславно кончилъ свои дни любимецъ украинскихъ „гайдамаківъ“...

Двѣ недѣли было затишье — большевики не торопились продвигаться къ югу. Изъ Винницы Петлюра выслалъ „синежупанниковъ“. Послѣдніе быстрымъ натискомъ свалили большевистскій передовой отрядъ у какой-то маленькой станціи и погнали его почти до Кіева.

Фастовъ, Казатинъ и Бѣлая Церковь снова были нѣсколько часовъ въ рукахъ Петлюры.

Бездѣлье порождало непролазную, мутную тоску. Пьянство стало сплошнымъ. Въ такія минуты офицеры часто, съ сердечными нотками, пѣли:

Когда-то васъ любила я —
Всѣмъ ставила въ примѣръ;
Судьба ваша унылая —
Вы бывшій офицеръ....

Это звучало больнымъ отголоскомъ тяжелыхъ настроеній. Всѣ жили одинаковыми разду-

міями, и солдаты прекрасно понимали положеніе: за внѣшностью официальной, приказной шумихи они видѣли всю глубину не только бесполезныхъ, но еще и вредныхъ заблужденій...

Самоубійства въ эту пору для насъ были обычнымъ явленіемъ.

И когда однажды доложили утромъ командиру В. о внезапной смерти офицера Д..., онъ махнулъ равнодушно рукой.

— Что-жъ... бываетъ...

27 февраля рано утромъ, едва встало изъ-за дальнихъ холмовъ еще не размятое, полусонное солнце, большевики повели наступленіе. Опрокинувъ всѣ фронтовыя части, захвативъ въ плѣнъ батальонъ 55-го пѣхотнаго полка съ нѣсколькими пулеметами, они подошли къ Чернорудкѣ.

Штабъ Данильчука бѣжалъ первымъ. За нимъ ринулись безпорядочной, гудящей, сумбурной волной всѣ, бросая орудія и снаряды. Лавина эта неудержимо текла почти до самой Винницы. Между тѣмъ всѣ министерства и генеральный штабъ съ Осинскимъ* во главѣ бѣжали въ Радзивиловъ.

Первый Черноморскій полкъ, сдѣлавъ погрузку, ускорилъ свое отступленіе; второй и третій, связавшись между собой конными дозорами, медленно отходили вдоль полотна желѣзной дороги Жмеринка — Раздѣльная.

* Начальникъ штаба Петлюры.

Мы отступали послѣдними, потерявъ рѣшительно всякую связь съ другими частями. За нами неотступно двигался по желѣзной дорогѣ большевистскій броневикъ, обстрѣливая обозъ шрапнельнымъ и гранатнымъ огнемъ...

ШПІОНЪ

Гражданская война обостряла подозрительность и поэтому всѣ, кто не былъ съ нами, казался намъ враждебнымъ и осуждающимъ насъ, а этого было достаточно, чтобы возвести подозрѣнія въ реальныя формы обвиненія. Какъ-то ночью, усталые отъ большого перехода по топкимъ и грязнымъ дорогамъ, мы подошли къ селу Сосны. Пахло весной. Темная рѣчка слегка поблескивала подъ холодной, круглой, въ легкихъ тѣневыхъ пятнахъ луной. Набѣгали тучки суетливой, разбродной стаей, но быстро исчезали, какъ дымки... За селомъ шумѣлъ лѣсъ. Избы спали мертвымъ, беззвучнымъ сномъ; только кое-гдѣ хрипло и беспокойно, какъ всегда въ деревняхъ, лаяли назойливыя собаки. Насъ встрѣтили квартирьеры. Они тотчасъ развели всѣхъ по избамъ. Зажглись въ окнахъ огни, трепыхаясь бѣлыми, свѣтлыми полосками на дорогахъ, какъ пугливыя призраки. Потомъ огни потухли, и село погрузилось въ усталый сонъ.

Не было ни обычной ругани, ни обычныхъ выкриковъ.

Утромъ разбудилъ сигналъ — въ путь. Въ ожиданіи штаба, обозъ производилъ въ своемъ составѣ перемѣщеніе. Наконецъ изъ дома священника вышелъ В. Около него тотчасъ образовалась толпа изъ солдатъ и офицеровъ.

— Ко мнѣ подошли два моихъ солдата: Шелестовъ — черниговецъ и Бедро изъ Полтавы.

— Что это, г. капитанъ? — спросили они, указывая на собравшихся на дорогѣ.

— Не знаю, — отвѣтилъ я.

Мы подошли къ толпѣ.

— Ну, добродій, а какъ же ты попалъ сюда? — зычно вопрошалъ В. человекъ средняго роста, съ землистымъ цвѣтомъ лица и съ большими, сѣрыми, кокаинистыми глазами.

— Я съ ними вотъ — онъ указалъ на группу плѣнныхъ австрійцевъ, стоявшихъ въ сторонѣ, — хотѣлъ домой...

— Это куда же?

— Га?.. А въ Сибирь...

— Да вѣдь ты идешь изъ Кіева — оттуда удобнѣе было бы поѣздомъ... Какъ же ты проѣдешь съ юга?

Чего не проѣхать? А съ пароходомъ...

— Ты гдѣ служилъ? — допытывался В.

— Да я не служилъ: меня насильно мобилизовали въ красную армію, я и убѣгъ...

— Гм.. а почему ты пошелъ съ плѣнными австрійцами? Какъ твоя фамилія?

— Дранниковъ, а зовутъ Афанасій...

— А тутъ у тебя въ бумажкѣ стоитъ: Адольфъ Беръ. Что это значитъ?

— Га?.. Да я самъ не знаю — изъ ихъ бюро получилъ...

Заберите его — приказалъ В., — завтра въ штабъ коша* сдадимъ...

Задержанный жалобно заморгаль глазами.

— Если онъ убѣжитъ, — сказалъ В. часовымъ, — я разстрѣляю васъ.

— Я не убѣгу — чего мнѣ?

— Ишь, шпионъ — прошипѣлъ кто-то сзади, — знаемъ мы васъ...

Мы тронулись въ путь.

За деревней В. развилъ свои мысли.

— Это — явный шпионъ — сказалъ онъ, обращаясь къ группѣ солдатъ и офицеровъ, шедшихъ съ нимъ рядомъ. — Ему выдали проходное свидѣтельство, и такимъ образомъ онъ можетъ легко проникнуть въ тылъ отступающихъ частей. А высмотритъ все, что ему надо, соберетъ свѣдѣнія — сколько насъ, куда мы идемъ, какіе у насъ планы, — застрянетъ гдѣ нибудь въ селѣ, пока ихъ части не подойдутъ. Тутъ онъ имъ все и выложитъ, да еще вожатымъ будетъ. Какъ прощать такихъ людей?

Шедшіе сзади В. три солдата внимательно его слушали и чему-то хитро улыбались. Пошептавшись другъ съ другомъ, они куда-то исчезли.

Едва мы дотянулись къ полотну желѣзной дороги, какъ изъ-за крутого излома лѣса позади насъ показались бѣлые дымки паровоза. Онъ слабо обозначился черной точкой на горизонтѣ, но можно было замѣтить, какъ онъ постепенно нарасталъ въ размѣрѣ, приближаясь къ намъ.

* Кошъ — дивизія въ Украинской арміи.

— Вонъ... броневикъ ихній — крикнулъ какой-то солдатъ.

Всѣ оглянулись.

Полнымъ ходомъ къ намъ мчался бронированный паровозъ большевиковъ съ орудійной площадкой. Суматоха прокатилась по отряду. Люди кинулись къ повозкамъ.

— Неужели никто не взрываетъ мостовъ и пути? — тревожно спросилъ В., ни къ кому не обращаясь, — вѣдь наши дозоры снабжены всѣмъ необходимымъ для этого. Что такое?

— Къ орудіямъ! Къ пулеметамъ! — заревѣлъ онъ, широко раскрывая свои узкіе, какъ у японца, глаза... Мужики со всѣхъ ногъ бросились бѣжать отъ обоза въ разныя стороны по рыхлому полю.

— Дзинь... — раздался вдругъ рѣзкій звукъ выстрѣла на броневикѣ, и вслѣдъ затѣмъ со страшнымъ гуломъ, вздымая глыбы земли кверху, почти у самаго обоза разорвался большевистскій снарядъ. Лошади метнулись съ дороги. Кто-то испуганно вскрикнулъ, послышался глухой стонъ...

— Дзинь... бахъ... дзинь... бахъ... сыпалъ броневикъ бѣглымъ огнемъ по обозу. Люди разбѣжались въ цѣпь, бросились въ придорожныя рытвины, защелкали винтовки и съ бѣшенствомъ зарокотали пулеметы. Храпя и ворочая круглыми, испуганными глазами, разметавъ гривы, лошади мчались съ ржаніемъ черезъ поля куда-то за оврагъ.

По цѣпи бѣгали отдѣльныя фигуры, безпорядочно размахивая руками, и что-то кричали.

Среди грома и треска пронеслось:

— В. раненъ, замѣститель Ч...

Молодой, энергичный подполковникъ появился на срединѣ цѣпи. Глаза его жадно и остро сверкнули. По кусочкамъ, звеньями, мы стали отходить назадъ за холмы.

Едва мы пересѣкли линію дороги, какъ позади большевистскаго броневика въ воздухъ взвился огромный столбъ дыма, и вслѣдъ затѣмъ раздался оглушительный взрывъ. Броневику сразу затихъ.

— Что случилось?

— Господа, господа, броневикъ отрѣзанъ, наши взорвали путь...

— Ура...а...а — прокатилось по цѣпи.

Люди толпами сорвались съ земли и побѣжали черезъ поле къ мѣсту взрыва.

Броневику былъ безъ пѣхотнаго прикрытія, и обслуживавшіе его красноармейцы бросились бѣжать отъ него. Ихъ разстрѣливали вдогонку пачками. Нелѣпо кувыркнувшись и взмахнувъ руками, они падали на рыхлыя глыбы поля. Къ нимъ кинулось нѣсколько нашихъ солдатъ.

Мы подошли. Слабо пыхтѣла затухающая машина, молчаливо поблескивали черныя орудія, изрыгавшія нѣсколько минутъ тому назадъ смерть. На доскахъ видны были слѣды крови. Кто-то изъ красноармейцевъ, очевидно, былъ раненъ — раненымъ-же онъ бросился и бѣжать.

— Господа, — закричалъ изъ-подъ откоса поручикъ С., — посмотрите, это не нашъ ли дозорный?

Мы спустились внизъ.

На разломанныхъ балкахъ полевого мостика, выгнувъ тѣло и свѣсивъ безжизненные руки къ землѣ, лежалъ нашъ солдатъ М. На его лицѣ были глубокія борозды отъ ножевыхъ ранъ. Ноги выше колѣнъ были изрублены шашками. Очевидно, бросая броневикъ, красноармейцы захватили М. подъ откосомъ и тутъ-же расправились съ нимъ.

— А, сволочи! — выругался С., — погодите, мы еще не такъ расправимся съ вами...

Трупъ оставили на мѣстѣ. Новая безкрестная могила прибавилась къ плеядѣ старыхъ на нашемъ длинномъ взбаломученномъ пути.

На паровозѣ кто-то изъ простого любопытства пощелкалъ винтовкой о краны, потрогалъ винтики. Вольноопредѣляющійся К—овъ вынулъ изъ орудій замки.

Мы отошли къ Винницѣ, оставивъ нѣсколько человѣкъ убитыми въ полѣ. Куда ихъ было брать съ собой?... Богъ съ ними.

Проходя мимо рытвинъ за будкой стрѣлочника, Ч. вдругъ спросилъ:

— Гдѣ нашъ арестованный?

Ему не отвѣтили.

— Что, убѣжалъ? — гнѣвно закричалъ онъ, — позвать ко мнѣ часовыхъ!

Солдаты кинулись исполнять приказаніе. Спустя нѣсколько минутъ, запыхавшись, къ намъ навстрѣчу выбѣжали изъ-за чащи акацій три солдата и стали торопливо докладывать Ч.

— Такъ что, г. полковникъ, онъ хотѣлъ бѣжать. Мы ему — нельзя, а онъ свое...

— Ну?

— Только это онъ побѣжалъ, мы по емъ выстрѣлили.

— Убили? — неопредѣленно, не то улыбаясь, не то сердясь, спросилъ Ч.

Солдаты растерянно моргнули глазами.

— Такъ что... плохо, онъ побѣжалъ...

— Убили? — строго глядя на солдатъ, спросилъ Ч. вторично.

— Такъ точно...

— Ступайте, молодцы!

— Рады стараться, г. полковникъ! — отвѣтили съ просвѣтлѣвшими лицами „молодцы“.

— Гдѣ-же вы его? — спросилъ Ч.

— А тамъ коло рва.

— Ну, ступайте.

Они отошли, самодовольно улыбаясь. Я узналъ ихъ — это были шептавшіеся тамъ, при допросѣ Дранникова.

Трупъ разстрѣяннаго валялся у самой дороги. На утро, уходя изъ города, В. (у него оказалась царапина на лѣвомъ плечѣ) приказалъ положить его на болѣе видномъ мѣстѣ подъ бѣлой березой, чтобы вступающіе за нами въ городъ большевики убѣдились въ томъ, какъ безпощадно мы расправляемся съ ихъ „шпіонами“.

На стволѣ дерева была приколота бумажка: „Большевикъ Дранниковъ изъ Сибири. Разстрѣлянъ Черноморцами за шпіонажъ. Такъ будетъ поступлено со всѣми большевиками“.

Голубѣло утро. По весеннему шумѣлъ лѣсъ, поскрипывали березы. На краю рощи кричали грачи, и въ шумѣ вѣтра ихъ крикъ казался странно-новымъ и обновляющимъ.

„КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦІЯ“

Ночь упала коротко, быстро; словно черное крыло опустилось надъ землею. Ни одной звѣзды. Всю дорогу гудѣлъ вѣтеръ въ телеграфныхъ столбахъ и разгуливалъ по безмолвнымъ полямъ.

Мы — въ Ольгопольскомъ уѣздѣ. Пройдя топкія болота, мимо шумящихъ рощъ, мимо пустырей и овраговъ, часамъ къ двѣнадцати ночи мы добрались къ мѣстечку Мясковка.

На улицахъ глухой сонъ.

Гдѣ-то у церкви крикнулъ филинъ — жалобно, по дѣтски. Спустился по глинистому грунту съ небольшой горы, мы попали на площадь. По угламъ ея темнѣли какіе-то огромные сараи, ютились жалкія, развалившіяся хижины. Это — мѣстные лавочки и склады.

Орудія поставили на сухомъ мѣстѣ въ серединѣ площади. Пулеметы развезли по избамъ. Выставивъ часовыхъ, улеглись спать — люди и лошади устали невообразимо. Скоро надъ мѣстечкомъ опять опустилась тяжелая, напитанная усталымъ сномъ тишина.

Въ рѣдкихъ окнахъ еще мелькали поздніе огни: тамъ или въ карты доигрывали или передъ сномъ — пили...

Около двухъ часовъ глубокую тишину разорвали два сильныхъ гранатныхъ взрыва. Мгновенно вспыхнули огни въ окнахъ, на улицѣ раздались крики.

Схвативъ ружья, мы выскочили. Въ ту-же минуту къ намъ подбѣжалъ раздѣтый, босой еврей. Онъ весь дрожалъ, едва выговаривалъ слова.

— Что такое?...

— Они... вбѣжали...

— Кто, кто они?

— Я не знаю — два солдата, ваши... въ маскахъ, бросили бомбы...

— Ну?

— Забрали деньги, бѣлье...

Мы кинулись къ избѣ еврея.

Тамъ толпился народъ. Какая-то женщина громко плакала, держа ребенка на рукахъ. Косыя полосы свѣта изъ сосѣднихъ избъ падали на дорогу и освѣщали испуганныя, встревоженные лица бѣгущихъ къ мѣсту происшествія.

Стоялъ сплошной неумолчный говоръ.

— Кто? Гдѣ?

— Куда побѣжали?

— Въ переулокъ?

— Какіе?...

Гдѣ-то на краю мѣстечка затрещали ружейные выстрѣлы. Толпа бросилась по избамъ съ гоготомъ и пугливыми вскриками.

— А-а-а... рыдала женщина съ ребенкомъ, жена ограбленного еврея.

Никого не нашли. Грабители, какъ въ воду, канули. На земляномъ полу въ избѣ валялась

неладно скроенная и, видимо, наспѣхъ сшитая изъ чернаго сукна маска. Какъ аргументъ совершившагося нападенія на еврея, ее передали В.

— Это что? — спросилъ онъ спросонья.

— Маска — отвѣтили ему.

— Какая?

— Грабитель потерялъ въ избѣ...

— Поймать его, привести ко мнѣ. Разстрѣляю... — твердо закончилъ онъ, выжимая изъ себя дѣланную улыбочку.

Съ вечера В. изрядно выпилъ.

Богъ его вѣдаетъ, общій-ли это законъ или въ Россіи особенная атмосфера, что всякій, даже самый миниатюрный, провинціальный, игрушечный переворотъ дѣлается подѣ соусомъ шума, суматохи и выстрѣловъ.

Въ эту ночь и въ нашемъ отрядѣ произошелъ такой-же неожиданный, по шаблонной манерѣ разыгранный переворотъ — настоящая „контрѣ-революція“.

Грабителей не нашли, но за то подѣ настоящим шумѣ кто-то пустилъ слухъ, немножко пошевелившій всѣмъ нервы.

— Румыны разрѣшаютъ перейти ихъ границу.

— Какъ? это правда?

— Что правда?

— Неужели разрѣшаютъ?

Въ этихъ разговорахъ прошла еще часть ночи. Потомъ кто-то сказалъ, что, такъ какъ мы называемъ себя „четвертымъ Черноморскимъ полкомъ“, румыны отказываютъ; они пускаютъ

черезъ Днѣстръ только добровольческія части — никакой Украины не признають.

— А, другое дѣло...

И въ эту ночь созрѣли „контръ-революціонныя“ рѣшенія. Ихъ привели въ исполненіе быстро, безболѣзненно и несложно.

Въ четыре часа ночи меня разбудилъ штабсъ-капитанъ К.

— Вставай, тебя требуютъ въ штабъ.

— Что такое?

— Тамъ узнаешь.

Одѣваюсь. К. про себя что то ворчитъ. Время отъ времени улыбается. Къ нему подходитъ поручикъ Н.

— Ты что? .

— Ничего... — отвѣчаетъ К. — въ сущности, что мнѣ даетъ эта... украинизація? Къ чорту! Я никогда не былъ украинцемъ, не ѣлъ ихъ варениковъ и не буду. А маску надоѣло носить. Пора всѣмъ понять, какъ непріятна эта комедія. Я — доброволецъ.

Н. насмѣшливо улыбнулся.

Остроумный отъ природы, чуткій, съ характеромъ, но страшно нервный и не сдержанный, онъ былъ „украинцемъ“ по происхожденію, русскимъ по убѣжденію, въ политикѣ „съ сольцей“, какъ его называли за лѣвизну взглядовъ, при этомъ вполне выносимый, какъ товарищъ.

— Плохой изъ тебя актеръ — сказалъ онъ, возражая К., — когда ты пьянъ — ты украинецъ, когда трезвъ — ты самъ не знаешь, кто ты, а когда полутрезвъ — ты въ добровольцы

мѣтишь... Играй повѣрниѣ, иначе головы за Днѣстръ не унесешь.

К. досадливо отмахнулся.

Въ штабѣ была суета. Срочно отстукивали на машинкѣ письмо къ начальнику румынскаго военнаго сектора въ Сороки*. Expediteur — „Офицерскій добровольческій полкъ“...

Всѣ бумаги, избличавшія въ насъ „черноморцевъ“, были брошены въ пылавшую печку. Такъ похоронили въ эту ночь „украинство черноморцевъ“. Къ В. приставили часового — онъ ни капли не злился:

— Ничто не ново подъ луной, — сказалъ онъ.

Стоя въ полутемномъ корридорѣ въ штабѣ, я слышалъ за дверью голосъ новаго командира Ч.:

— Былъ бы толкъ изъ этого... Что отвѣтятъ намъ изъ Сороки?

— Будетъ толкъ, не безпокойся, — увѣренно отвѣчалъ ему капитанъ Я., — отвѣтятъ благопріятно.

„Контръ-революціонеры“ затихли. Я вошелъ. Получивъ распоряженіе отъ новыхъ „властей“, я отправился къ себѣ спать.

Къ утру все было тихо, спокойно. Ночная „контръ-революція“ закончилась оригинальнымъ аккордомъ — совмѣстной работой сверженнаго и свергнувшихъ. Въ штабѣ мирно работала тройка — Ч., Я. и В.

* На самомъ берегу Днѣстра, въ Бессарабін.

НОЧЬ ПОЭЗИИ

Изъ Сороки отвѣтъ: „Правительство румынское разрѣшаетъ „офицерскому добровольческому полку“ перейти румынскую границу у Рыбницы, гдѣ въ настоящее время сконцентрированы сильныя группы союзниковъ, технически снабженныя и готовыя въ любую минуту повести наступленіе къ сѣверу...“

Мы обрадовались.

Была свѣтлая, холодная ночь, когда мы, перѣзавъ большое поле, вышли на гладкую, прямую дорогу.

Она вела къ Днѣстру.

Съ дальнихъ горъ тянуло вѣтромъ. На темномъ бархатѣ неба мягко трепетали золотыя точки звѣздъ. Красный, половинчатый мѣсяцъ медленно вставалъ надъ соннымъ полемъ.

Н. звучно продекламировалъ:

Лишь только ночь своимъ покровомъ
Верхи Кавказа осѣнитъ,
Лишь только міръ, волшебнымъ словомъ

Завороженный, замолчить,
Лишь только вѣтеръ надъ скалою
Увядшей шевельнетъ травую...

.

— Довольно! — крикнулъ штабсъ-капитанъ К., — что о Кавказскихъ горахъ? — вонъ видишь: приднѣпровскія? — о нихъ лучше...

Я взглянулъ впередъ.

Въ лунной полумглѣ на краю горизонта вырисовывались горы, какъ застывшія въ воздухѣ всколыхнутыя бурей волны. Лунный свѣтъ слабо дрожалъ и переливался на ихъ гребняхъ.

— Н-да.... хорошее дѣло горы, — сказалъ раздумчиво шедшій рядомъ со мной полтавецъ Бедро.

— Ну? — спросилъ, улыбаясь, Н.

Онъ любилъ солдатъ, но всегда съ ними говорилъ съ легкой насмѣшкой.

— Ей Богу, — побожился Бедро.

Солдаты громко разсмѣялись.

— Чего вы? — огрызнулся Бедро.

— Да ты горъ-то сроду не видалъ, — сказалъ кто-то изъ нихъ, — развѣ у васъ на Полтавщинѣ есть?

— А то какъ же? — обидчиво отвѣтилъ Бедро.

— Галушки у васъ есть, а не горы, — подшутили солдаты.

Бедро махнулъ рукой и съ добродушіемъ разсмѣялся.

— Слушай, Бедро, прочитай ты что-нибудь, — пристали къ нему товарищи.

— А онъ умѣетъ? — спросилъ я.

— Такъ точно.

— Ну, Бедро, прочитай, — сказалъ я.

Бедро откашлянулся.

— Ну! Ну! — подбодрили его изъ рядовъ.
Бедро началъ:

Зперши думавъ я вступыты
Прямо въ партію эс-эръ...

Солдаты громко разсмѣялись. Бедро не смутился.

Та бажаю въ свиті житы,
Пока самъ ище не вмеръ...

— продолжалъ онъ.

— Ого! — воскликнулъ Н., разсмѣявшись.

А не буду все жъ я дыкій
И пойду хоть до эс-дэ...
Ни, тоді моя навики
Вся земелька пропадэ...

— Ахъ, ты, чортъ! — пробормоталъ К.
Бедро продолжалъ:

Може до ка-дэ ще встряты
Цэ военнымъ чымсь грымыть
Та чи будутъ супостаты
Бюрократывъ боронить?

Бедро замолкъ.

— Дальше, дальше! — крикнули солдаты.
— А еще дальше есть? — спросилъ я Бедро.
— Есть, — отвѣтилъ онъ, ухмыляясь.
— Ну, читай!

Отъ мороки, отъ заботы
Не потрафить самъ Зевесъ, —
Ну пышить, куды охота,
Хоть до партіи эс-эсъ...

— Молодецъ, Бедро! — выкрикнулъ кто-то изъ солдатъ.

— Все, — сказалъ полтавецъ, — только объясните мнѣ, что это такое — Зевесъ?

Я объяснилъ ему.

— А-а... вотъ оно что, — сказалъ Бедро, почесавъ затылокъ.

— А ты думалъ — галушки? — добродушно разсмѣялись солдаты.

Мы долго шли молча. Луна поднималась все выше; звѣзды, какъ крупные золотые глаза, мигали надъ степью...

— Глупая вещь — жизнь... — печально сказалъ Н.

— ?.....

— Правду говорятъ, что отъ самаго рожденія мы присуждены къ медленной казни; смерть — это послѣдній ударъ гильотины. Не лучше ли было бы умереть тамъ — на настоящемъ фронтѣ, чѣмъ здѣсь отъ пули изъ-за угла въ гражданской бойнѣ?

— Да вѣдь ты не признаешь и настоящего фронта, о чемъ-же говорить? — сказалъ ядовито К.

— Можетъ быть... можетъ быть...

К. не отставалъ.

— Сознайся откровенно, — сказалъ онъ, обращаясь къ Н., — не исповѣдывалъ ли ты тягу въ тылъ въ знаменитые дни „всѣ домой“?

— Нѣтъ, — спокойно отвѣтилъ Н.
Помолчали.

— Послушай, Н., — заговорилъ К., — мнѣ помнится, не такъ давно ты оспаривалъ одно мнѣніе. По твоему, наши дни заключаютъ въ себѣ какую-то новоявленную правду. Что это за чудовище?

Н. поднялъ голову.

Господа, если къ правдѣ святой
Миръ дорогу найти не умѣетъ,
Честь безумцу, который навѣетъ
Человѣчеству сонъ золотой.

— прочиталъ онъ и разсмѣялся.

— Ахъ, сонъ золотой? А почему ты бѣжишь отъ этого сна? — горячился К.

— До поры до времени бѣгу, — сказалъ съ усмѣшкой Н., — а развѣ нельзя?

Эхъ ты, мелюзга!

И, дурачасъ, опять прочиталъ:

А вы на землѣ проживете,
Какъ черви слѣпые живутъ:
Ни сказокъ про васъ не расскажутъ,
Ни пѣсенъ про васъ не споютъ.

К., обозленный, узловато выругался и съ досадой сплунулъ.

Надъ горами медленно двигался предразсвѣтный, молочно-бѣлый туманъ. Отъ Днѣстра повѣяло холоднымъ вѣтромъ. И снова устало, молча шагали мы у повозокъ — скоро ли?...

БѢГСТВО

Дорога вилась, какъ длинная, изломанная лента. Кругомъ пески и ели; у бодотъ — гати, поросшія густымъ лознякомъ красно-бураго цвѣта, а дальше, по бокамъ дороги, старыя скрипучія вербы и дубы.

На зарѣ мы вышли изъ маленькаго безымяннаго села, гдѣ останавливались на ночевку. Верстахъ въ семи отъ него, въ глухомъ оврагѣ, поросшемъ бурьяномъ и корнями отъ сломанныхъ бурей деревьевъ, мы бросили наше орудіе — не вытащили изъ вязкой грязи. По приказанію Ч. солдаты разрубили колеса, попортили замки и исковеркали топорами лафеты. Потомъ общими усиліями стащили съ дороги орудіе и швырнули его съ глинистаго обрыва куда-то въ чащу кустарниковъ. По другую сторону дороги подыхали двѣ лошади, тащившія это орудіе десятки верстъ и изморенныя голодомъ и тяжестью... Онѣ дрыгали ногами съ глубокими, предсмертными выдыхами. Кто-то изъ жалости подошелъ къ нимъ и выстрѣлилъ изъ револьвера въ головы. Дрыгнувъ послѣдній разъ ногами, онѣ вытянулись мертвыми, неподвижными массами на землѣ, взрытой ихъ ногами.

Мы пошли дальше.

По дорогѣ бѣгали желтогрудыя овсяночки, въ чистомъ весеннемъ воздухѣ звономъ серебрянымъ звенѣли жаворонки, взлетая яркой спиралью въ небо и камнемъ падая на рыхлыя поля.

Меня окликнулъ поручикъ И.

Онъ былъ блѣденъ, глаза лихорадочно поблещивали.

— Что съ тобой? — спросилъ я.

— Скверно, я боленъ, — отвѣтилъ И.

— Неужели тифъ? — подумалъ я. Одинъ случай у насъ уже былъ, но мы его быстро ликвидировали: отправили заболѣвшаго на станцію Вапнярку въ мѣстный лазаретъ.

— У тебя жаръ? — спросилъ я, щупая пульсъ И.

— Да... но у меня еще что-то странное, помимо этого — непрерывный гудъ въ головѣ, какъ будто тамъ работаетъ паровая машина... Господи, что съ женой и ребенкомъ? — неожиданно заключилъ онъ.

Я смутился.

— Что съ родными? — быстро обжегъ меня вопросъ.

Мы замолчали. Шли долго рядомъ, глядя на землю.

Къ полудню мы устали и, пройдя болота, остановились у небольшого холма отдохнуть. На горизонтѣ обрисовался высокими колокольнями и черепичными крышами какой-то уѣздный городокъ.

— Это что за постройки? — спросили мы у проѣзжаго мужика.

— Городъ Дубоссары, — сказалъ онъ.

Усѣвши на большія каменныя глыбы въ сторонѣ отъ дороги, мы съ И. рѣшили набросать домой коротенькія успокоительныя письма. Это надо было сдѣлать во что бы то ни стало, такъ какъ по насъ тамъ уже справляли панихиды. Случайно въ Жмеринкѣ мы встрѣтили общаго знакомаго, который бѣжалъ изъ Путивля къ Одессѣ, и онъ разсказалъ, что совѣтская власть издаетъ въ нашемъ городкѣ газету, въ которой мы обозначены разстрѣлянными.

Очевидно захваченные полковые списки помѣщены въ газетѣ цѣликомъ.

Мы рѣшили письма датировать двумя днями раньше нашего пребыванія въ Дубоссарахъ, при чемъ писали совсѣмъ просто: „все обстоитъ хорошо. Кланяйтесь знакомымъ, скоро будемъ дома“...

Я взглянулъ на И. Онъ нервно чертилъ карандашемъ; въ рѣсницахъ его бѣгали слезы. Дошли ли наши письма — неизвѣстно, но мы сдѣлали все, что могли.

Черезъ часъ мы были въ Дубоссарахъ. Жители испуганно таращили на насъ глаза, — они не знали, кто мы. Спрашивать не рѣшались; изъ насъ никто имъ ни слова „о платформахъ“ не заикался. Въ сущности, мы же сами не знали, кто мы...

Письма опустили. И странно — на душѣ какъ будто легче стало; словно маленькія записочки, только что брошенные въ почтовый ящикъ, протянули между нами и родными тонкую, живую нить...

Уже склонялось солнце къ западу, когда мы вышли изъ Дубоссаръ. Застучали телѣги по каменной мостовой, крикнули ободряющимъ крикомъ возницы. Кто-то затянулъ пѣсню. Въ воздухѣ

разлились и угнетающая тоска, и порывистое желаніе освободиться отъ ненужной суеты переходовъ, затаенныхъ тревогъ и усталости.

Когда обозначилась багрово-красная полоса заката, и надъ полями скользнули первыя вечернія тѣни, кто-то изъ обозниковъ спросилъ:

— А гдѣ же командиръ?

— Уѣхалъ впередъ.

— Нѣтъ, остался въ Дубоссарахъ...

— Неправда.

— Остался...

Заспорили. Скоро всѣмъ стало ясно, что В. сбѣжалъ. Изъ полкового ящика исчезла круглая сумма въ пятьсотъ тысячъ царскихъ рублей. Настроенія еще больше упали. Ч. громко отругивался и хотѣлъ послать нѣсколько всадниковъ въ Дубоссары разыскать В. и привести его въ отрядъ.

— Поздно, — заявили офицеры.

— А ловко ушился*, — сказалъ насмѣшливо Н.

И снова съ придавленными самочувствіями потянулись по мокрой, размякшей, суглинистой дорогѣ. Уже никто никого не спрашивалъ въ мутной безнадежности, гдѣ же конецъ?..

* Бѣгство изъ отряда называлось на языкѣ солдатъ „ушиваніемъ“.

БѢЛЫЙ ЗАМОКЪ

Утро. Въ головѣ обоза гудящіе голоса солдатъ запѣли:

Не шуми, дубравушка, яркой зеленью,
Не волнуй, родимая, сердца моего...

Я взглянулъ впередъ. Изломанной, сверкающей нитью передъ нами развернулся Днѣстръ. На немъ четкія, зубчатая вершины каменистыхъ горъ въ яркомъ солнцѣ. По скатамъ темные весенней темнотой, свѣжіе лѣса...

Скрипѣли полуразбитыя повозки, грохотали орудія (два) на поворотахъ ухабистыхъ дорогъ, и рѣзко выкрикивали безшабашныя ругательства возницы.

Устало, лѣниво фыркали лошади, какъ будто расслабляющій запахъ приднѣстровской весны разнѣживалъ ихъ худыя, изможденные тѣла...

Въ душу повѣяло безпричиннымъ успокоеніемъ и неясной отрадой.

Когда солнце поднялось совсѣмъ высоко, мы пришли въ небольшое молдаванское село Каминки.

Узкія, кривыя улочки его вплотную сбѣгали къ шумящему Днѣстру.

Солдаты радостно засуетились, — здѣсь рѣшено было остаться на двухдневный отдыхъ. Тотчасъ закурились избы; въ улицахъ запахло дымомъ и яичницей. Молдаванки съ любопытствомъ выглядывали изъ дворовъ на солдатъ. На берегу кричали ребятишки, и звонкіе голоса ихъ раскатисто отдавались за Днѣстромъ. Здѣсь, въ безпечальномъ и тепломъ углу былъ еще миръ и спокойствіе.

Къ ночи выставили за околицу конные посты; на улицахъ бродили дозоры. Они осматривали всѣ телѣги, въѣзжающія въ село, и провѣряли документы у мужчинъ и женщинъ.

Было поздно. Днѣстръ буйно рокоталъ внизу, облизывая громоздкими волнами береговые камни. За нимъ на бессарабской сторонѣ на темныхъ полянахъ кое-гдѣ мерцали маленькими точками огни — то были сторожевые румынскіе посты. Изрѣдка они перекликались между собой въ тишинѣ застывающей, сонной ночи. Завтра мы у Рыбницы. Что, если насъ пустятъ въ Резинъ? О, тогда вся эта тревога, всѣ безпокойства спадутъ, какъ сгнившая кора. Въ Бессарабіи мы отдохнемъ, а тамъ можно опять въ походъ, даже въ бой...

Глубокой ночью насъ разбудили сигнальные выстрѣлы.

— Тревога.

Мы выбѣжали въ темныя улицы. Проскакали къ штабу два вѣстовыхъ.

— Что произошло? — спросилъ Н. всадника.

— Поймали чекистку.

— Зачѣмъ же будите отрядъ весь, черти?...
— выругался штабсъ-капитанъ Вер. По дворамъ защелкали винтовки, забрякали приклады. Черезъ часъ опять все стихло.

Ее привели къ полковнику Ч.

— Вы откуда? — спросилъ онъ помятымъ отъ сна басомъ.

— Изъ Тирасполя, — отвѣтила, ни чуть не испугавшись, женщина.

— Ваше имя? — продолжалъ допросъ Ч.

— Вѣра Сомова.

— Такъ... Покажите ваши бумаги.

Полковнику услужливо протянули стоявшіе здѣсь же солдаты отобранныя у женщины бумажонки: удостовѣреніе ея личности, выданное Тираспольскимъ ревкомомъ до занятія этого города польскимъ ген. Желиховскимъ и румынами, паспортъ съ обозначеніемъ ея лѣтъ (28), мѣста рожденія (г. Ананьевъ), роста и особыхъ примѣтъ (никакихъ).

— Почему у васъ бумаги — совѣтскія? — спросилъ Ч. со вспыхнувшими глазами.

Женщина молчала.

— Вы большевичка? — крикнулъ онъ.

Женщина удивленно подняла голову и взглянула на полковника.

— Я русская гражданка, — отвѣтила она.

— А, вотъ оно что...

— Простите, полковникъ, — сказала женщина, — я могу васъ спросить, по какому праву вы меня допрашиваете?

— Безъ всякихъ правъ, — отвѣтилъ, зло-вѣще улыбаясь, Ч.

— Тогда я вамъ не буду отвѣчать, извините меня, — серьезно, полусердито отвѣтила женщина.

Ч. холодно улыбнулся, подавивъ въ себѣ вспышку, и, обратясь къ намъ, сказалъ:

— Г.г., попрошу васъ удалиться. Эта женщина мнѣ отвѣтитъ рѣшительно на всѣ вопросы, какіе бы я ей ни задалъ. Къ утру вы все узнаете...

Мы вышли. Съ Ч. остались два солдата.

— Готовъ биться объ закладъ, что она не большевичка, — сказалъ Н.

— А по моему, самая настоящая чекистка, — возразилъ К., — такихъ надо разстрѣливать.

— Послушай, К., — несдержанно сказалъ Н., — ты или дѣйствительно тупъ, какъ бараній пупъ, или ты въ корнѣ злодѣй. — Что въ ней большевистскаго?

К. ничего не отвѣтилъ.

Круто повернувшись, онъ вышелъ изъ избы.

Вѣру Сомову разстрѣляли: нашли при ней какую-то подозрительную бумажку и два револьверныхъ патрона. Тѣло ея сбросили въ Днѣстръ.

Обо всемъ этомъ намъ рассказывалъ К., который принималъ участіе въ разстрѣлѣ.

— Плохо ты кончишь, — сказалъ ему Н.,
выслушавъ его.

Съ этого времени они стали глухими врагами.

Ко мнѣ зашли Шелестовъ и Бедро.

— Вина бажаете*, — спросилъ простодушно
Бедро.

— Какого вина?

— А тамъ солдаты вскрыли погребъ.

— Ну?

— Прибѣгъ хозяинъ, плакалъ, все не да-
валъ, а потомъ согласился — продаетъ. Хоро-
шее вино ..

— Это гдѣ же? У замка, что на горѣ?

— Да, такъ точно...

— А, ну, пойдѣмъ.

По изгибистымъ тропинкамъ мы взобрались
на небольшой выступъ горы, оттуда вскарабка-
лись на слѣдующій уступъ болѣе крутой и, нако-
нецъ, вылѣзли по узкой стежкѣ на вершину —
къ замку.

— Здѣсь? — спросилъ я.

— Сказываютъ, здѣсь, — отвѣтилъ Шеле-
стовъ.

Передъ нами на широкой площади, завален-
ной грудами разбитого кирпича, ломанныхъ кам-
ней и мелкаго щебня, возвышался громоздкій,
старинный замокъ съ толстыми облупившимися
колоннами, поросшими зеленымъ мхомъ.

Огромныя окна были наглухо забиты полу-
сгнившими досками въ плѣсени. У самага склона

* По украински — хотите, желаете.

горы колыхалась худосочная березка. Отсюда открывался обширный видъ по водоему Днѣстра. Тамъ, въ узкой щели стѣснившихся надъ нимъ горъ, гуще темнѣли лѣса и ломанной сталью поблескивала вода...

— Бедро, — окликнулъ я полтавца, — гдѣ же твое хваленое вино?

Онъ сдѣлалъ кислую гримасу.

— Товарищи сказывали — тутъ...

— Должно внизу, — предположилъ Шелестовъ. Мы прислушались.

Изъ стараго парка, что лежалъ у самаго подножія горнаго вала, къ намъ доносились шумы и крики. Нѣсколько разъ треснули ружейные выстрѣлы. Мы стали спускаться обратно.

Въ отдаленномъ углу парка, принадлежащаго замку, гудѣла, какъ рой шмелей, большая толпа солдатъ. Мы подошли къ нимъ. Изъ каменнаго подвала одинъ за другимъ тѣсной очередью они выносили въ охапкахъ мѣшки съ бутылками вина. Садились тутъ же на травѣ и распивали съ громкимъ, возбужденнымъ говоромъ и бранью.

— Скверно кончится, — подумалъ я.

Въ эту же ночь мы ушли дальше.

Пьяныхъ уложили въ телѣги, сваливъ въ кучу, а тѣ, которые могли идти сами, шли... Закупленное въ подвалѣ вино по приказанію Ч. было отобрано у солдатъ и вылито въ Днѣстръ. Нѣсколько человѣкъ, впрочемъ, остались неподвижными трупами у спиртовыхъ цистернъ въ другомъ подвалѣ. Послѣ я слышалъ, что ихъ постигла жестокая участь: большевики дождались ихъ отрезвленія и затѣмъ бросили въ огромные баки,

наполненные спиртомъ, гдѣ они съ криками ужаса захлебнулись и сгорѣли.

Выходя за околицу села, я обернулся назадъ. Замокъ четко бѣлѣлъ на темномъ фонѣ горы въ лунномъ свѣтѣ.

— То, что происходитъ, и то, что еще будетъ, — кому это нужно? — жегъ меня вопросъ.

Было несказанно больно оттого, что, сознавая ненужность и бесполезность вещей, чувствуешь собственное безсиліе уклониться и уйти отъ ихъ порядка.

ТИРАСПОЛЬ

Союзники въ Рыбницѣ оказались выдумкой. Румыны въ переходѣ границы категорически отказали. На рыбинско-резинскомъ мосту наши переговорщики были встрѣчены ихъ передовыми постами, которые доставили нашихъ представителей въ одинъ изъ ближайшихъ пунктовъ пограничной стражи.

— Вы кто такіе? — спросили румыны.

Наши показали свои удостовѣренія и отвѣтъ изъ Сороки.

— Да, эта бумажка намъ извѣстна... Разрѣшеніе отмѣнено правительствомъ.

Бывшій въ числѣ переговорщиковъ Н. обидѣлся.

— Какъ, ваше правительство мѣняетъ свои рѣшенія, какъ перчатки? — сказалъ онъ.

Румыны забормотали что-то.

Н. не успокоился.

— Безъ вашего разрѣшенія мы плохо кончимъ, — сказалъ онъ румынамъ, — насъ всѣхъ перебьютъ у Днѣстра, какъ куропатокъ. Что жъ! Вина будетъ на васъ — мы плохо кончимъ, вы плохо начнете... не дотянете до Мага Румения.

Н. чуть не арестовали. Кончилось тѣмъ, что переговорщиковъ нашихъ отправили назадъ съ бессарабскаго берега съ большими угрозами.

Въ отрядѣ забеспокоились. Чувство неприязни къ румынамъ выросло въ ощутимыя формы.

— О, съ румынами мы еще потягаемся за Бессарабію! — говорили офицеры.

Солдаты подтверждали эти заключенія. И снова мы безнадежно пошли въ приднѣстровскія степи.

Молдаване встрѣчали насъ повсюду съ какимъ-то скрытнымъ любопытствомъ, — казалось, сквозь налетающія, обрывистыя вѣсти съ юга они угадывали нашу судьбу.

Почти двѣ недѣли шли изломанными дорогами, безъ карты, руководясь указаніями жителей. Старались держаться все время ближе къ Днѣстру, — этотъ путь рано или поздно долженъ былъ насъ привести къ южному побережью. А тамъ... Что тамъ? Можетъ быть пароходъ, отъѣздъ къ Деникину въ Новороссійскъ и вообще что нибудь „спасительное“...

По пути встрѣчали нѣсколько крестьянскихъ обозовъ, двигающихся къ сѣверу изъ Одессы. Мы жадно спрашивали обозныхъ.

— Что въ Одессѣ?

— Да такъ... — отвѣчали они, — атаманъ Григорьевъ двигается изъ Николаевска и Херсона на союзниковъ. Дерутся, а чья верхъ возьметъ, — невѣдомо.

Настроения падали съ каждой минутой.

Въ воздухѣ нарастала тревога, и каждый изъ насъ мысленно пытался разрѣшить вопросъ, — какой конецъ? Мы знали, что вообще конецъ неизбеженъ.

Пьянство усилилось.

К. безобразно напивался съ В. каждый день и, придя ко мнѣ, заплетающимся языкомъ говорилъ:

— Слушай — все къ чорту. Конецъ! Мнѣ наплевать, что будетъ. Или я буду кого-нибудь разстрѣливать или меня разстрѣляютъ.

— Лучше тебя — отъ этого никто не потеряетъ, — отвѣчалъ ему обычно Н., если онъ присутствовалъ при этомъ.

К. вспыхивалъ бѣшенствомъ, но подавлялъ въ себѣ это чувство. Я былъ увѣренъ, что они рано или поздно пустятъ другъ въ друга пули.

Наконецъ, послѣ тяжелыхъ двухнедѣльных переходовъ, мы подошли къ Тирасполю. Небольшой, грязный городокъ южнаго типа. Узкія улочки, забитыя телѣгами и боченками у бакалейныхъ лавокъ, бродящія въ одиночку коровы и лошади, сонныя собаки на площадяхъ и надъ всѣмъ этимъ говоръ толпъ и дребезжанье тряскихъ экипажей. Среди этого шума прорывалась румынская рѣчь — въ городѣ стоялъ ихъ гарнизонъ. Внѣшняя охрана порядка находилась въ рукахъ румынъ. Перепуганные разными слухами изъ Одессы о движеніи туда Григорьева, они спѣшно эвакуировали все свое военное добро въ Бендеры, на другую сторону Днѣстра. Румынскій комендантъ

ежедневно расклеивалъ на столбахъ и заборахъ Тирасполя приказы и предостереженія. Увы! — ихъ никто не читалъ и мало кто заботился объ ихъ исполненіи.

Въ городъ стекло съ разныхъ сторонъ множество „украинскихъ“ частей, тѣснимыхъ большевиками съ сѣвера и востока. По вечерамъ улицы наполнялись гуляющими казаками всѣхъ отѣнковъ: были здѣсь эристовцы, „гайдамаки“, кирпичевцы, петлюровцы. Картина болѣе разнообразная, чѣмъ въ Бѣлой Церкви.

Начались кутежи. До глубокой ночи пыхѣли автомобили разныхъ атамановъ и ихъ замѣстителей, „головныхъ“ интендантовъ и „инженерівъ“ и т. п. Они, какъ угорѣлые, метались по городу съ одного конца къ другому, будто дѣлали серьезное дѣло во имя спасенія двадцатичетырехтысячной массы, припертой къ Днѣстру.

До сихъ поръ въ моихъ ушахъ четко звучать погребальныя слова:

Бери отъ жизни все, что можешь,
Бери хоть крохи — все равно:
Вѣдь жизнь на жизнь ты не умножишь,
А дважды жить намъ не дано.

.

Ихъ, казалось, распѣвали, выкрикивали на всѣхъ перекресткахъ дорогъ и улицъ въ тѣ дни.

За городомъ въ глухой дали бухали по ночамъ орудія, яркія огневыя вспышки озаряли

горизонтъ. Тревога росла по минутамъ. Перепившіеся солдаты и офицеры учинили два погрома въ городѣ; въ пьяномъ угарѣ они били всѣхъ, кто попадался изъ обывателей на улицѣ. Забирались и въ дома. Тогда спѣшно вызывались учебныя команды — единственныя, крошечныя части, въ которыхъ сохранились остатки дисциплины.

Румынское командованіе, во избѣжаніе столкновеній, передало охрану города въ руки „украинцевъ“. Развалъ пошелъ быстро, неудержимо подъяклонъ.

Безпорядочная ружейная стрѣльба въ улицахъ по ночамъ наводила панику на жителей.

Нѣсколько разъ ко мнѣ приходилъ И. Онъ жаловался на головныя боли и нескончаемый гудъ, сверлившій его мозгъ. Глаза его были мутны, вся фигура изламывалась, и онъ замѣтно горбился.

— Я боленъ, — говорилъ онъ печально, — я съ ума сойду. Я это чувствую.

Я, сколько могъ, утѣшалъ.

Увы! — здѣсь надо было не утѣшать, а лѣчить человѣка. Но гдѣ? — Всѣ больницы переполнены тифозными или ранеными. И. уходилъ къ себѣ потрясенный, расшатанный, безконечно слабый.

К. пилъ въ ресторанахъ и кутилъ съ женщинами. Раза два я его видѣлъ на улицѣ въ обществѣ какихъ то „гайдамаковъ“ съ черными шлыками и покрашенныхъ проститутокъ. Они

орали пѣсни, мчась къ ресторану въ замызганномъ, грязномъ фаэтонѣ.

Увидя меня, К. замахалъ руками и зычно закричалъ: — Стой!

Его не слушали, и фаэтонъ быстро скрылся за поворотомъ улицы.

Черезъ два дня я встрѣтилъ К. у казармъ за городомъ, куда онъ пріѣзжалъ взять свои вещи. Онъ переѣзжалъ въ гостинницу. Подъ лѣвымъ глазомъ его былъ большой синій кровоподтекъ...

Я не спрашивалъ, откуда у него такое украшеніе. Онъ самъ не рассказывалъ. Безъ словъ все было понятно.

Н. жилъ въ одномъ домѣ со мной. По цѣлымъ днямъ онъ сидѣлъ у окна и смотрѣлъ на улицу. Что-то думалъ.

— Слушай, — говорилъ онъ, зайдя въ мою комнату, — большевики вырѣжутъ всѣхъ... Эта судьба постигнетъ, можетъ-быть, и насъ съ тобой. Ты что думаешь?

Я молчалъ.

Тогда Н. продолжалъ.

— Вотъ что. Ты не сердись, пожалуйста, за мое предложеніе, но я скажу его: хочешь, — уйдемъ, пока не поздно. Это — не трусость, это — простое благоразуміе. Зачѣмъ погибать съ людьми, которые сознательно обрекли и обрекаютъ себя на гибель? Кто заставляетъ ихъ пить, вести буйный, кошмарный разгулъ вмѣсто того, чтобы организовать твердую оборону? Вѣдь не поздно еще. Большевики заняли Одессу

и медленно двигаются къ Раздѣльной... Успѣть можно. Уйдемъ? — спрашивалъ онъ.

Я отрицательно качалъ головой.

Н. убѣждалъ меня:

— Но вѣдь ты чувствуешь всю нелѣпость положенія. Какія на тебѣ лежатъ нравственныя обязанности? — Никакихъ. Начальникомъ команды ты пересталъ быть, т.-е. вѣрнѣе команды не стало, всѣ твои солдаты разбрелись по городу и пьютъ, за исключеніемъ этихъ... двухъ, какъ ихъ?...

Я зналъ, о комъ рѣчь, и кивалъ головой.

— Ну, вотъ, — продолжалъ Н., — слѣдовательно, солдатъ у тебя осталось немного; мы ихъ возьмемъ съ собой и уйдемъ.

— Какимъ образомъ? — спрашивалъ я.

— Переодѣнемся въ крестьянское платье и доберемся черезъ большевистскіе посты до ближайшей станціи въ ихъ тылу, а оттуда — куда намъ заблагоразсудится. Оба мы около двухъ мѣсяцевъ не брились, обросли изрядно — сойдемъ за мастеровыхъ... Не такъ ли?

Не получивъ отъ меня утвердительнаго отвѣта, Н., раздосадованный, обычно уходилъ снова къ себѣ и садился въ раздуміяхъ у окна.

Однажды, въ одну изъ такихъ ночей, я легъ значительно раньше, чѣмъ всегда. Изъ города доносились неумные шумы, крики и ружейная стрѣльба. Обстановка эта была привычной, и я быстро уснулъ. За полночь меня разбудилъ вѣстовой изъ штаба полка. Онъ подалъ мнѣ запе-

чатанную сургучемъ записку. Я поспѣшно вскрылъ ее: „немедленно явиться для полученія личныхъ инструкцій отъ командира полка“...

Это еще что за инструкціи? — спрашивалъ я себя мысленно, шагая по пустынной улицѣ. Высоко въ небѣ четкимъ шаромъ стояла луна. Дулъ вѣтеръ. Внизу въ центрѣ города слабо мерцали уличные фонари. Откуда-то изъ-за полей, залитыхъ лунной мглою, совсѣмъ глухо доносилась орудіяная стрѣльба. Вѣроятно, отходящія къ Тирасполю части пытались оказывать сопротивленіе нажимающимъ большевикамъ.

— Сейчасъ же, — сказалъ мнѣ Ч. сдержаннымъ тономъ, — отнесите всѣ ваши пулеметы Максима и Кольта и сбросьте ихъ въ Днѣстръ. Есть у васъ надежные люди?

Я съ удивленіемъ взглянулъ на него.

— Это надо, — тихо добавилъ Ч. — Надѣюсь, вы исполните мое приказаніе?

Онъ горько улыбнулся.

— Господинъ полковникъ, — попытался я выяснитъ, — я не понимаю...

— Надо понять, — коротко оборвалъ онъ меня, — вы видите, что творится кругомъ: явный большевизмъ, хуже — анархія. Не сегодня, завтра мы погибнемъ отъ своихъ же солдатъ. Сопротивляться большевикамъ мы не въ силахъ, а дать имъ въ руки боевой матеріалъ — преступно. Пусть возьмутъ насъ голыми и, если угодно, разстрѣляютъ...

— Господинъ полковникъ, — сказалъ я, — не поспѣшно ли это рѣшеніе? Вѣдь, насколько мнѣ извѣстно, начальникъ Тираспольскаго гарнизона ген. Зелинскій уѣхалъ къ королю Фердинанду просить разрѣшеніе на пропускъ черезъ Бессарабію и Буковину къ Петлюрѣ... Можетъ быть, успѣемъ до послѣдняго нажима большевиковъ переправиться черезъ Днѣстръ.

Ч. задумался.

— Едва ли, — сказалъ онъ, — а впрочемъ, если и успѣемъ, то румыны все равно отберутъ оружіе; это мнѣ извѣстно отъ румынскихъ офицеровъ. Я на это не согласенъ: въ Днѣстръ лучше...

Въ корридорѣ кто-то стукнулъ дверью, и Ч. попросилъ меня зайти въ другую комнату. Мы продолжали нашъ разговоръ.

— На разсвѣтѣ вы отправитесь въ главный штабъ, — сказалъ послѣ нѣкотораго молчанія Ч., — онъ стоитъ на третьемъ пути на станціи въ классныхъ вагонахъ... Тамъ получите указанія отъ коменданта, въ какіе вагоны мы должны произвести погрузку. Будетъ толкъ или нѣтъ, но въ эшелоны собираться надо. Вы будете комендантомъ поѣзда. Помогите мнѣ... — закончилъ Ч. и протянулъ руку.

— До свиданія, жду васъ у себя около десяти утра, — сказалъ онъ мнѣ на прощаніе.

Я вышелъ на улицу.

— Странно, — размышлялъ я, — отчего это стрѣляющіе въ другихъ боятся, если съ такимъ же правомъ будутъ стрѣлять въ нихъ?...

Я разбудилъ осторожно Шелестова и Бедро.
— Га? Что? — чуть ли не кричащимъ голосомъ спросилъ Бедро спросонья.

— Ничего, вставайте оба, — сказалъ я, — пойдѣмъ со мной.

Мы приступили къ работѣ. Пробираясь пустырями и задворками, мы вытаскали всѣ пулеметы и патроны въ ближайшую рощу. Тамъ разобрали ихъ, чтобы удобнѣе было доставить къ берегу, и, уложивъ въ мѣшки, стали сносить на обрывъ къ рѣкѣ.

Было поздно. Луна, почти красная, опускалась уже за дальніе холмы, и предутренняя темнота замѣтно сгустилась. Пользуясь этимъ, мы спѣшили съ работой.

Карабкаясь среди груды набережныхъ камней, цѣпляясь за кусты ольшанника и мелкихъ елей, мы, наконецъ, стащили все въ укромный уголокъ, подъ орѣшникъ. Отсюда сбросили всѣ двѣнадцать пулеметовъ въ бурныя, шумящія волны. Съ рокотливымъ бульканьемъ онѣ поглотили смертоносныя машины.

И странно, — бросая въ Днѣстръ послѣдній пулеметъ, я вовсе не чувствовалъ, что это мой жизненный оплотъ, съ уничтоженіемъ котораго я завтра же погибну, разстрѣлянный большевиками или убитый своими солдатами, разгулявшимися въ дикой оргіи.

Едва засѣрѣло утро, ко мнѣ вбѣжали Шелестовъ и Бедро. Лица ихъ были испуганы.

— Что съ вами? — спросилъ я, поднимаясь съ дивана, на которомъ лежалъ въ раздумьи, готовясь отправиться въ главный штабъ.

— Солдаты шукають* пулеметы... — сказалъ торопливо Бедро.

— Зачѣмъ?

— А кто ихъ знаетъ, — отвѣтилъ Шелестовъ, — только что вернулись изъ города пьяные, хотять куда-то идти, чего-то ругаются... Ихъ уговариваютъ, да они не слушаются никого. Вы, г. капитанъ, ежели васъ будутъ спрашивать про машины, не сказывайте ничего: ужъ мы знаемъ, что дѣлать.

Я завѣрилъ мохъ друзей въ полномъ молчаніи, и они, успокоенные, ушли.

Въ штабѣ мнѣ указали десять вагоновъ, отведенныхъ для нашего отряда. Къ нимъ холодный, ржавый паровозъ, стоявшій въ тупикѣ. Къ счастью, у насъ былъ свой техникъ вольноопредѣляющійся К-овъ. Нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ машинистомъ, и ему не стоило большого труда привести въ порядокъ цѣлую, но запущенную машину. Къ вечеру того-же дня мы имѣли свой составъ и при немъ вздыхающій парами паровозъ, готовый къ движенію.

*) Шукають, по украински — ищутъ.

ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ

Глухіе раскаты орудій все ближе и ближе. Благоразуміе въ послѣднюю минуту заставило нѣкоторыя части выйти въ поля и занять кольцообразную позицію, чтобы защитить станцію, забитую эшелонами раненыхъ и больныхъ, отъ внезапнаго нападенія передовыхъ отрядовъ атамана Григорьева.

Уже явственно, отчетливо слышалась трескотня пулеметовъ и бѣшеный рыкъ гранатныхъ разрывовъ. На станціи стояла напряженная тревога.

По вагонамъ стонали. Придушенными голосами кричали стрѣлочники и штабные чины.

Изъ города черезъ небольшую поляну доносились истошные крики автомобильныхъ сиренъ, дребезжанье телѣгъ и экипажей. Царили суета, возбужденіе. Прорывались ружейные выстрѣлы, какъ ударъ дроби о звонкое стекло. Въ нервахъ быстро нарастала горячая, пьянящая накипь, и поминутно вся обстановка, казалось, мѣняла свой видъ; холодной струйкой вѣяла безразличность отъ всего; почему-то представлялось, что этотъ сонъ мы давно видѣли, и что его явь не такъ страшна.

Завтра Св. Пасха. Кто-то вдругъ, какъ-то неожиданно, вспомнилъ.

Уже весна въ полномъ цвѣту. Свѣжій воздухъ, голубое небо, далекій просторъ полей... Мы тѣснимся въ душныхъ, запыленныхъ вагонахъ, и между нами тянутся длинные, нудные споры и громкое переругиваніе. Грязь повсюду: грязь въ словахъ, грязь на рукахъ, грязь въ душѣ. Что-то несказанно больное залегло въ насъ...

Наступила ночь. Въ поляхъ затихли орудія. Гдѣ-то въ городѣ звонили къ заутренѣ. Мы сидѣли по вагонамъ и молчали. Кто-то вздрагивалъ въ углу отъ холода и бормоталъ неудовольствія. Слабо потрескивала догорающая свѣча. Колебались по стѣнамъ вагона тѣни отъ неподвижныхъ фигуръ.

Вырвался чей-то тяжелый вздохъ...

Между тѣмъ на путяхъ разыгрывались драмы. „Украинцы“ достали нѣсколько боченковъ вина у молдаванъ въ обмѣнъ на муку и сахаръ, перепились и, бродя между вагоновъ, затѣвали ссоры и драки. Ихъ угрюмые, пьяные крики „Христось Воскресе“ не радовали ни души, ни сердца.

Къ тремъ часамъ ночи Вер. не выдержалъ. Наскоро одѣвшись, онъ куда-то выбѣжалъ. Минуть черезъ двадцать вернулся и принесъ съ собой четверть водки и боченокъ вина.

— Пейте, господа, что тамъ думать?.. —
сказалъ онъ, входя въ вагонъ.

Его встрѣтили радостнымъ оживленіемъ. Въ эту ночь пили, пили много, до утра. Были потомъ слезы, признанія, глухой, мучительный плачь, много бодрыхъ и много грустныхъ словъ.

Ч. и Я. встрѣчали пасхальный разсвѣтъ не хуже другихъ. Въ качествѣ гостей они пригласили сестеръ милосердія изъ другихъ эшелоновъ, нанесли горы закусокъ и винъ. Къ утру, когда веселье дошло до разгара, Я. громко, демонстративно, при раскрытыхъ окнахъ запѣлъ:

Вся подохла Украина
Безъ ладу, безъ толку...

Ему помогали тоненькими голосами сестры. Басиль Ч. Пришла еще группа офицеровъ и солдатъ. Нѣкоторые изъ нихъ слегка подпѣвали.

— Господа, — обрывалъ нестройное пѣнье Я., — я — полякъ, но это ничего не значитъ... вообще — эта украинская шваль, — онъ ткнулъ пальцемъ въ окно, — она не спасетъ Россіи...

Долго звенѣли бутылки и стаканы, раскатывался серебряный смѣхъ сестеръ.

Крики неосторожного капитана были слышаны и запомнены. Вокругъ штабного вагона столпились пьяные украинцы. Хриплыми голосами они выкрикивали угрозы.

— Дзинь... — звякнуло разбитое окно, за нимъ другое, третье...

Украинцы полѣзли на площадку. Вскрикнули

перепуганныя сестры — плачъ, обмороки. Блѣдный, но спокойный вышелъ къ буйной толпѣ Ч.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ онъ.

— А, россиянинъ! — закричали на него со всѣхъ сторонъ, — мы тебѣ покажемъ „вся подохла“...

— Бей, товарищи!

Ч. быстро отрезвился. Передъ нимъ залязгли клинки сабель, щелкнули курки револьверовъ, и это разогнало пьяный туманъ.

Толпа напирала.

— Бей! — гуломъ катился выкрикъ.

— Стой, ни съ мѣста! — заревѣлъ вдругъ Ч., съ злобной силой столкнувъ съ площадки напиравшихъ. Въ рукахъ его блеснулъ наганъ.

— Что вамъ надо? Убью первого, кто полѣзетъ.

Въ эту минуту онъ дѣйствительно былъ страшенъ: большая фигура, крупные сверкающіе глаза, смуглое лицо, подернутое злобой... Толпа опѣшила. Странно: эти люди, готовые ринуться на вагоны и изрубить ихъ въ мелкіе куски, вдругъ затихли.

— Назадъ! — твердо, рѣшительно приказалъ Ч., — здѣсь виновника я самъ накажу собственной рукой и никто больше

Онъ взмахнулъ револьверомъ въ воздухъ. Гулъ прокатился у вагона, какъ клокочущая волна, и стихъ. Раздались матерщинныя ругательства. Отъ толпы стали отходить отдѣльныя фигуры.

Ч. отрывисто и сбивчиво спорилъ, объяснялся, кому-то и что-то доказывалъ то спокойно, то горячо и со вспышками. Потомъ примирившіеся тутъ же стали цѣловаться. На разсвѣтъ гуляющіе выпѣвали:

Ще нэ вмерла Україна
И слава и воля,
Ще намъ, братья, усмихнется
Козацькая доля...

Капитанъ Я. спалъ въ глубокомъ опьяненіи.
Басилъ по прежнему Ч. и что-то бубнилъ, доказывая сестрамъ. Развеселясь, онъ робко и нестройно выводили:

На солнцѣ оружіемъ сверкая,
Подъ звуки лихихъ трубачей...
.

Потомъ чему-то громко смѣялись, хлопали пробками. И снова выводили съ намекающей интонаціей и дразнящей томностью:

Не снится сѣдымъ командирамъ,
Что творится у нихъ подъ окномъ...

И это звучало жалко и ненужно. По вагонамъ дулись въ карты, пили, цѣловались и съ глухой задавленной тоской говорили другъ другу: „Христось Воскресе“. Это была печальная, незабываемая ночь.

ПЕРВЫЙ АКТЪ ДРАМЫ

Всю ночь гремѣли орудія. Огневая вспышка исчерчивали горизонтъ широкими зловѣщими мазками. Вѣяло темной тревогой и острыми предчувствіями.

Сквозь плотныя массы сгрудившихся въ небѣ тучъ, казалось, просачивалась и падала на землю чернильная муть; она заливала городъ, окрестныя поля, вокзалъ... То и дѣло вспыхивали зарницы, появляясь и исчезая, какъ чьи-то огненные крылья. Къ утру орудійный громъ постепенно стихалъ, но отзвуки его долго еще колебались среди холмовъ у Днѣстра.

Наконецъ, когда засѣрѣлъ край неба и слабо обозначалась блѣдная черта разсвѣта за полями, блеснувъ удвоеннымъ, широкимъ пламенемъ, прокатился новый орудійный ревъ. Снаряды съ оглушительнымъ гудомъ упали на путяхъ, между станціонныхъ построекъ. И началось.

Черезъ нѣсколько минутъ уже пылали далеко, въ еще темныхъ поляхъ, брошенные тамъ хозяйственные эшелоны. Багрово-синей волной пожаръ, глотая вагоны и груды мѣшковъ на открытыхъ площадкахъ, текъ къ станціи, гдѣ все плясало въ бѣшеной суетѣ.

Никто не зналъ, что дѣлается вокругъ. Одни говорили, что большевики (атаманъ Григорьевъ) окружили тѣснымъ, неразмыкаемымъ кольцомъ весь Тирасполь и что они уже двигаются густыми колоннами къ окраинамъ самаго города, другіе утверждали, что большевики подошли только съ однимъ броневикомъ, а вовсе не съ полевыми орудіями, маневрирующими вокругъ насъ.

— Что же дѣлать?

За часъ до большевистскаго огня въ городскомъ клубѣ произошли непредвидѣнные событія: во время карточной игры одинъ изъ нашихъ офицеровъ замѣтилъ неаккуратность румынскаго. Вспыхнула ссора. Нашъ офицеръ выхватилъ револьверъ. Румынъ выбѣжалъ на улицу и крикнулъ дозоръ. Онъ явился. Произошли объясненія, во время которыхъ румыны стали грубить. Не сдержавшись, нашъ забіяка хлестнулъ кого-то изъ нихъ стѣкомъ. Завязалась возня. Нашего офицера пытались арестовать; этого не допустили другіе офицеры. Скандалъ разыгрался значительно шире. Румыны подъ угрозой быть избитыми бѣжали въ свою комендатуру, гдѣ подняли шумъ и крики. Спустя нѣсколько минутъ они мчались уже къ Днѣстру въ автомобиляхъ и коляскахъ, торопясь заблаговременно перебраться черезъ мостъ въ Бендеры. Они твердо рѣшили, что у насъ „даже собаки большевики“ и что насъ никоимъ образомъ нельзя пускать черезъ Днѣстръ въ Бессарабію.

Въ городѣ между тѣмъ началась трескотня. Кто-то неизвѣстный стрѣлялъ въ глухомъ перелѣкѣ... Крики и непонятныя, дикія гиканья разсыпались по всѣмъ, даже самымъ отдаленнымъ, уголкамъ. Скрывшись въ Бендерахъ, Румыны закрыли мостъ черезъ Днѣстръ патрулями, приготовивъ груды пироксилина для взрывовъ, если это понадобится.

Огонь орудійный буйно кромсалъ вокзалъ и окраины города. Большевикамъ, стрѣляющимъ изъ темныхъ полей, теперь уже виднѣе было, куда цѣлиться, и они били почти безошибочно. Зарево пожара разливалось все шире и шире съ какимъ-то злымъ гудѣніемъ...

Толпы людей, испуганныя лошади, сорвавшіяся съ коновязей, — все это мчалось безпорядочно и скомканно къ берегу Днѣстра — увы! — безъ надежды перебраться на бессарабскую сторону: ген. Зелинскій еще не вернулся отъ короля Фердинанда.

У самой станціи густо падали трехдюймовки, съ визгомъ, со свистомъ разнося штабные вагоны и комендантскіе.

Когда всходило солнце, отъ Тирасполя до самага Днѣстра всѣ холмы и поля были уже устѣяны разбитыми повозками, трупами лошадей и людей; на путяхъ, загромождая ихъ, ревѣли паровозы, выпуская густые клубы дыма...

У самага полотна желѣзной дороги кто-то и куда-то волочилъ, гремя щитами, пулеметы. По рыхлой пахотѣ тащили ржавое орудіе.

— Братцы, помогите...

Никто не останавливался: вся двадцатичетырехтысячная масса бѣжала къ берегу. Перепуганные до смерти румыны установили свои слабыя батареи гдѣ-то въ складкахъ холмовъ и время отъ времени выглядывали, не переходятъ ли бѣгущія толпы мостъ.

Между тѣмъ орудіиный огонь атамана Григорьева съ устрашающимъ гуломъ заливалъ всю станцію, гдѣ въ брошенныхъ вагонахъ оставалось еще много раненыхъ и тифозныхъ. Никто ихъ не бралъ съ собой: какъ и куда ихъ можно было взять, когда вся растерянная масса бѣжала, сама не зная куда?..

Изъ поля пожаръ докатился до станціонныхъ построекъ; его утучнили еще снаряды, мѣтко попадавшіе въ сухія деревянныя зданія... Длинные, гудящіе языки пламени лизали не только вокзалъ, они тянулись по эшелонамъ къ Днѣстру.

Перепаханные кровью, въ грязныхъ тряпкахъ вмѣсто повязокъ, нѣкоторые раненые успѣли все же выбраться изъ станціоннаго пекла...

Какъ всѣ, они торопились къ берегу. Тысячный разъ возникалъ вопросъ: зачѣмъ? — вѣдь все равно румыны, ощерившись у своихъ батарей, насъ не пустятъ...

Оставшіеся цѣлыми, эшелоны стали тоже вытягиваться по путямъ... Все туда же — къ Днѣстру.

Солнце било яркими, прямыми лучами по всему полю, по грязнымъ канавамъ, куда сбрасывались мѣшки, патронныя ленты, винтовки... Никто, разумѣется, его не замѣчалъ... Рѣшительно безъ всякой надежды, что румыны насъ пропустятъ въ Бессарабію, мы, наконецъ, столпились всѣ у Днѣстра. Огонь большевистскій затихъ, и мы сѣли у берега на камни и песокъ — будь, что будетъ. Въ сущности, что мы могли сдѣлать — неорганизованные, разбитые, растерянные?...

Вдругъ за ближайшимъ холмомъ, совсѣмъ рядомъ съ нами, прогремѣла наша батарея. Странно! — стало какъ будто даже свѣтлѣе въ воздухѣ. Далеко, въ глухомъ отдаленіи, мы различали звукъ разрыва...

— Хорошо! — донесся крикъ наблюдателя.

— Часто начинай! — раздалась твердая, рѣшительная команда.

Вслѣдъ затѣмъ наша батарея открыла бѣглый огонь. Съ этой минуты все какъ будто изменилось, но гдѣ-то глубоко, затерянное среди другихъ ощущеній, было чувство: кончалась жизнь...

ВТОРОЙ АКТЪ

Среди шумящихъ, волнующихся, кричащихъ толпъ пробѣжала вѣсть, что ген. Зелинскій привезъ отъ короля пропускъ.

— У-ра...а! — громынуло буйно и раскати-сто у берега. Всѣ ринулись къ мосту, патрули растерянно потѣснились назадъ. Внезапно и большевики затихли: они вслушивались въ наши возбужденные крики.

— Стой! — заревѣлъ какой-то атаманъ съ бритымъ актерскимъ лицомъ, — по порядку, успѣемъ...

Нѣсколько солдатъ съ бомбами и винтовками остановились у входа на мостъ и, регулируя движеніе, стали пропускать текучія лавины. Одновременно по путямъ медленно, пыхтя и вздыхая, тянулись паровозы, таща за собой бѣдные остатки эшелоновъ...

Неотступно за нами двигались черезъ поля пѣхотныя цѣпи Григорьева. Уже рокотали ихъ заливчатые пулеметы. На холмахъ крутилось нѣсколько всадниковъ, машущихъ руками и что-то кричавшихъ. Изъ отступающихъ кто-то выстрѣлилъ по нимъ, и всадники скрылись.

Потомъ большевистскія цѣпи набѣгали все ближе и ближе...

Сизый дымъ отъ пожара прилеѣтъ надъ изломами Днѣстра, втягивался въ его водоемъ изъ поля. Кто-то еще стрѣлялъ и кричалъ команды въ рядахъ отступающихъ, но въ ползущемъ дыму плохо можно было различать, куда бѣжать и какъ дѣйствовать. Всѣ держали направленіе на мостъ, — въ эту трагическую минуту оно было самымъ вѣрнымъ. Вымѣтивъ въ сумасшедшей свалкѣ и поспѣшности всѣ возможности спасенія отъ неожиданно-остраго наскока большевиковъ, отступающіе не бросались уже слѣпо на мостъ, и движеніе сдѣлалось болѣе планомѣрнымъ. Проходили эшелоны; по бокамъ путей шли, не торопясь, люди усталые, измученные, черные отъ осѣвшей на нихъ пыли и вдобавокъ мокрые отъ густого пота... Они бросали винтовки, патроны и походные мѣшки въ воду. Бурливый Днѣстръ все это пожиралъ съ величайшимъ беззлобіемъ.

Едва стали вытягиваться на мостъ послѣдніе ряды, какъ пѣхотныя цѣпи большевиковъ неожиданно выросли, четко обрисовавшись, на одномъ изъ крутыхъ холмовъ, съ котораго обстрѣлъ открывался наилучшій. Они тотчасъ использовали его... По всему берегу и желѣзобетонному мосту съ визгомъ запрыгали пули; зычно, какъ собаки на цѣпи, рычали пулеметы. Опять стоны и крики и, разумѣется, какъ и тамъ, — сначала у станціи, потомъ въ поляхъ и на холмахъ — никто не подбиралъ и здѣсь этихъ несчастныхъ. Снова порывисто рванулось все, торопясь перебѣжать мостъ.

Съ ближняго холма по Бендерамъ уже били тяжелыя большевистскія орудія. Черно-сѣрые дымки зловѣще кружились надъ мѣстами разрывовъ.. Бѣжали, испуганно кричали, истерически хватали и роняли винтовки румыны, сустились французскіе офицеры, гоготали чернокожіе, возясь на лужайкахъ со своими осликами...

Наконецъ, мы въ Бессарабіи.

Кто-то еще бѣжалъ съ жалобными выкриками черезъ мостъ, кого-то и кто-то звалъ.

Гулъ большевистскихъ орудій, пулеметная трескотня и отвѣтный громъ французскихъ батарей изъ Бендерской цитадели заглушали все.

У берега показался большевистскій конный разъѣздъ...

Въ ту же минуту раздался неимоверный, оглушительный взрывъ. Что такое?... Медленно, ломаясь, какъ прутья, быки моста шли книзу, къ пѣнящимся волнамъ, увлекая за собой нѣсколько вагоновъ. Я видѣлъ, какъ изъ открытыхъ дверей ихъ выглянули блѣдныя жалкія лица съ умоляющими собачьими взглядами — они звали на помощь.

На секунду забѣлѣли окровавленныя повязки раненыхъ, потомъ жалобные крики ихъ глухо замерли подъ грудами желѣза, обрушивающагося въ бурный Днѣстръ. Это было безобразно и жутко. Румыны проявили величайшій актъ трусости: конный разъѣздъ большевиковъ показался имъ за армію, которая могла ринуться на мостъ и отобрать у нихъ Бессарабію.

РАЗВЯЗКА

Все это тревожное время я былъ комендантомъ эшелона, оставаясь имъ и по переѣздѣ на бессарабскій берегъ. Едва мы вытянули свой вагонный составъ за мостъ, какъ ко мнѣ въ сильномъ возбужденіи подбѣжали два румынскихъ офицера.

— Что они хотятъ?..

Я не понималъ ихъ языка, и они заговорили со мной по нѣмецки, сразу же, до изложенія сути, направивъ мнѣ въ лобъ револьверы.

— Sie sollen uns hören! — крикнули они, — geben Sie schnell Ihre Lokomotiv!

Я рѣшительно не понималъ, зачѣмъ имъ понадобилось насъ лишать паровоза, и пошелъ отъ нихъ прочь.

Они дерзко схватили меня за руки.

— Ich schiesse Sie tot! — вскричалъ одинъ изъ нихъ, — Sie sind auf dem unseren Lande: wir sind hier zu Hause!

Они приставили револьверы къ моему лбу.

Я схватился за свой револьверъ; — мнѣ часто до этого говорили, что на румынъ это дѣйствуетъ охлаждающе. Они опустили руки. Къ

намъ тотчасъ прибѣжалъ командиръ полка и нѣскольکو солдатъ.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ Ч.

Я объяснилъ.

— Отдать! — приказалъ онъ.

Румыны торжествующе сверкнули глазами и о чемъ то стали шептаться, поглядывая въ мою сторону.

Я залѣзъ на паровозъ, вольноопредѣляющійся К — овъ сталъ у рычага. Румыны были тутъ же; они ощеренно, искоса поглядывали на меня и все время другъ другу что-то показывали на цитадель. Отъ возбужденія оба они раскраснѣлись, и пудренная пыль осѣла тонкимъ слоемъ на ихъ мундиры.

Проманеврировавъ по нѣсколькимъ линіямъ, мы выбрались къ послѣдней стрѣлкѣ; направлявшей насъ къ крѣпости.

И вдругъ бѣшенный, сотрясающій сзади толчокъ рванулъ нашъ паровозъ, разорвалъ цѣпи у тендера и бросилъ его подъ откосъ... Гулко и злобно зашипѣли котлы.

Румыны со всѣхъ ногъ кинулись бѣжать, спрыгнувъ на шпалы.

— Вонъ, скорѣе! — крикнулъ машинистъ К — овъ, — сейчасъ лопнуть котлы, разнесетъ вдребезги...

Мы сѣли за песчаный бугоръ у полотна и только здѣсь осмотрѣлись, что произошло.

Отъ ближайшей станціи Бильбокэ на насъ налетѣлъ громадный паровозъ съ двумя биткомъ

набитыми пассажирскими вагонами. Сильное сотрясеніе и ударъ сжали площадки, поломали буфера, стекла разсыпались въ мелкіе куски. Застонали смертельно раненые, остальные безобразно, ломая руки и ноги, полетѣли подъ откосъ.

Подъ грудой мѣшковъ между буферами лежало разорванное пополамъ тѣло какой-то женщины и молодого человѣка съ раздавленной головой и съ переломанной выше колѣна ногой...

Гудящая толпа кинулась къ трупамъ, мы на паровозъ. Общими усиліями, не давъ котламъ дойти до крайняго напряженія, мы потушили ихъ.

Румыны съ озлобленіемъ набросились на машиниста налетѣвшаго паровоза. Онъ упалъ на колѣни посреди рельсъ.

— Не моя вина, не моя вина! — кричалъ онъ по русски и по румынски.

Онъ махалъ руками и срывалъ съ себя засаленную фуражку. Толпа еще глуше загудѣла. Изъ депо прибѣжали рабочіе. Офицеры сбавили крики угрозы, но глаза ихъ свѣтились злобой.

Вдругъ новый оглушительный взрывъ и ударъ, отбросившій вѣтромъ всю толпу. У самаго паровоза (нашего) разорвался крупнокалиберный снарядъ — большевики съ того берега били по толпѣ, неясно различая, вѣроятно, войсковыя ли это части или сгружаемыя орудія. Груды земли, бревенъ, вагонныхъ щепокъ — все это взметнулось столбомъ кверху. За первымъ ударомъ послѣдовалъ второй, третій... Румыны, бросивъ споры, побѣжали къ землянымъ валамъ крѣпости. Я едва успѣлъ имъ крикнуть въ догонку:

— Was soll ich mit Lokomotiv machen?

— Sie sind frei! — крикнули они въ отвѣтъ.

Это была ихъ горькая насмѣшка надъ самими собой; румыны этого не чувствовали.

Румынскій генералъ не повѣрилъ мнѣ, когда я жаловался на дѣйствія его офицеровъ.

— Это неправда! — сказалъ онъ черезъ переводчика.

Я попросилъ генерала не уличать меня во лжи, утверждая порядочность за своими офицерами, а убѣдиться лично въ томъ, что они сдѣлали. Его офицеры отняли паровозъ у эшелона, оставивъ его беззащитнымъ у берега подъ орудійнымъ обстрѣломъ; они были виновниками крушенія, когда, не слушая сигналовъ, торопили загнать для какихъ-то цѣлей паровозъ въ крѣпость.

Генералъ замолчалъ и сердито перерывалъ на столѣ бумаги.

Я вышелъ отъ него.

Черезъ двадцать минутъ намъ былъ данъ превосходный новый паровозъ; еще нѣсколькими минутами позже насъ выпустили изъ Бендеръ въ направленіи на Кишиневъ. Неторопливо выйдя за стрѣлку, мы тихо поползли по изломанной линіи вдоль берега. Впереди и надъ нами въ воздухѣ бѣлыми клубами дымились шрапнельные разрывы: большевики обстрѣливали эшелоны.

Изъ Бендеръ гремѣлъ отвѣтный огонь французскихъ батарей. Румыны ожили духомъ: они побросали вагонныя площадки и сошли на землю.

Мы въ цвѣтушей мирной Бессарабин. Все дальше и дальше отъ Бендеръ, гдѣ слышится орудійный громъ, гдѣ разгораются страсти...

Солнце щедро золотило зеленые скаты холмовъ, лѣса и песчаный берегъ буйнаго, холоднаго Днѣстра.

По вагонамъ запѣли снова; безрадостно разлетались пѣсни въ солнечной тишинѣ.

— Куда же теперь?..

Медленно уплывали отъ насъ гребни потустороннихъ надднѣстровскихъ горъ; на нихъ стояло, какъ застывшее, сизое облако... Слева за лугами, въ темной чащѣ лѣсовъ бѣлѣли стѣны неизвѣстнаго монастыря. Надъ нимъ неприступно возвышались отвѣсы черно-бурыхъ скалъ, изрѣзанные морщинами горныхъ ручьевъ и водопадовъ.

Заднѣстровскіе холмы, гдѣ въ эту ночь и утро разыгралась неизгладимая драма, вѣнчавшая буйный размахъ стремительныхъ, испорченныхъ страстей, мягко уходили въ мгlistую синь. Сколько тамъ мы бросили безкrestныхъ могилъ?

Ко мнѣ подошелъ Шелестовъ и молча, неувѣренно помялся.

— Ну что, дорогой? — какъ-то безъ раздумій, нехотя спросилъ я.

Онъ вздохнулъ.

— Такъ... очень жалко Бедро: хорошій былъ хлопецъ, — сказалъ онъ.

Я встрепенулся.

— Бедро? — а что съ нимъ? — противъ воли почти вскрикнулъ я.

— Должно разстрѣляли, а можетъ на посту погибъ, какъ взрывали музыканты проклятые...

Я опѣшилъ. Я забылъ за эти кошмарные часы о добромъ, милomъ Бедро.

— Погибъ?

— Не иначе такъ... — съ грустью отвѣтилъ Шелестовъ.

Я перекрестился.

— Ничего, Шелестовъ, — утѣшая скорѣ себя, чѣмъ его, сказалъ я, — Богъ дастъ, все обойдется. Придетъ пора, и мы умремъ: не здѣсь, такъ въ другомъ мѣстѣ, не своей смертью, такъ насильственной...

Шелестовъ отвернулся. Я понялъ его: слишкомъ это было скверное утѣшеніе и до необычайности дурная логика.

Бедро былъ первымъ. За нимъ встала цѣлая вереница розысковъ.

Гдѣ осторожный непримиримый Н.?

Гдѣ пьяница К., бросившій на вѣсы случая самого себя и свои дѣянія?

Гдѣ больной, душевно потрясенный И.?

Гдѣ Вер., К-овъ (машинистъ), гдѣ Ч. и Я.?

Гдѣ множество другихъ?...

Къ вечеру выяснилось: К-овъ остался у какого-то родственника въ Бендерахъ. Ч. и Я. ѣхали въ другихъ эшелонахъ, намѣреваясь пробраться въ Польшу, гдѣ рѣшили устроиться въ польскихъ войскахъ. Они скрывались отъ украин-

цевъ, запомнившихъ пасхальную ночь и поднявшихъ теперь голоса противъ нихъ...

Въ мирной обстановкѣ легче разбираться, гдѣ друзья, гдѣ недруги, и, разумѣется, политика разслоенія снова стала выплывать по эшелонамъ.

Всѣ остальные исчезли, и только спустя два года я узналъ о ихъ печальной судьбѣ изъ длиннаго ряда писемъ. Я привожу отрывокъ изъ двухъ; они дорисовываютъ конецъ пережитыхъ событій.

ПИСЬМА О КОНЦѢ

Отъ Н.

1921 г., г. Путивль.

.....„Много воды утекло съ того памятнаго дня. Ты, вѣроятно, рѣшилъ, что я погибъ въ общей свалкѣ. Не такъ ли? Однако, какъ видишь, я пишу тебѣ изъ Путивля, гдѣ благополучно обрѣтаюсь въ настоящее время.

Если ты думаешь, что Берлинъ я предпочелъ бы нашему крохотному глухому уголку, ты жестоко ошибаешься. Правда, мнѣ здѣсь куда хуже, чѣмъ тебѣ тамъ, среди нетронутыхъ огнемъ и вѣтрами улицъ, но все же...

Впрочемъ, мы съ тобой никогда не сходились во взглядахъ. Весь нашъ длинный походъ я чувствовалъ въ тебѣ молчаливаго, упорнаго противника, у котораго была своя линія. Теперь всему, что было тогда для насъ неяснымъ и облекалось въ туманъ, наступилъ опредѣленный конецъ: мы съ тобой въ разныхъ лагеряхъ. Насъ связываетъ единственная тонкая нить прошлаго, которое очень скоро вытрется изъ памяти. Эта нить невидимо протянулась отъ Берлина до Путивля и обратно.

Я не собираюсь тебя обвинять; надѣюсь, что не обвиняешь и ты меня. У каждаго изъ насъ есть своя правда. Итакъ, я въ самомъ горнилѣ.

Для тебя оно чудовищно; для меня оно представляется не такимъ страшнымъ. Живу, работаю. Много, даже усталъ. Бьюсь изъ-за куска хлѣба (всѣ болѣемъ, всѣ голодаемъ, всѣ воюемъ). Мнѣ почему-то кажется, что мой костеръ быстро догораетъ, и я скоро принужденъ буду стать у его золы и задать самому себѣ зловѣщій вопросъ — это все?...

Зловѣщій, ибо мои расчеты съ жизнью будутъ коротки: будетъ бита моя карта — оборву прозябанье въ два счета. Вѣроятно, тебя интересуетъ, какъ я выбрался изъ пекла?

Очень просто. У самага берега въ избѣ молдаванина я раздѣлся, легъ на лавку и отъ страшной усталости уснулъ подъ орудiйный громъ. Когда вы ушли на бессарабскiй берегъ, конные разъѣзды долго метались по улицамъ (я спалъ въ крайней избѣ села) и вылавливали всякихъ „такихъ“ неосторожныхъ. Меня, послѣ долгихъ моихъ объясненiй, приняли не за Н. во всякомъ случаѣ. Вечеромъ я съ мѣшкомъ на плечахъ ушелъ на станцію, но никакой возможности не было выбраться изъ Тирасполя, и я ушелъ пѣшкомъ, куда глаза глядятъ. Мое бродяжничество длилось долго по лѣсамъ и оврагамъ, по пустыннымъ дорогамъ и перелѣскамъ. Россiя-матушка непокорна разстоянiямъ, да и въ другихъ отношенiяхъ ее „аршиномъ общимъ не измѣрить“...

.....
Такъ добрелъ я черезъ два мѣсяца домой.

Ты спросишь, гдѣ же Вер., гдѣ глупый К., гдѣ И.?.. — О послѣднемъ (мнѣ жалко его очень) я ничего не знаю. Два первыхъ погибли въ лѣсахъ у Тирасполя.

Оба пьяные, они ушли поздней ночью изъ села, въ которомъ былъ и я, не переодевшись въ другіе костюмы; ихъ зацѣпилъ военный дозоръ. К. по обыкновенію и на этотъ разъ не удалась его многогранная, неотточенная роль оборотня — онъ дорого заплатилъ за нее...

Вер. палъ жертвой своей тупости — мало находчивъ и проч.

Ну, а вообще говоря, къ чему эти люди способны?

Умѣли „жить“, но концы прятать въ воду не хватило ни силъ, ни умѣнья.

Еще одно: — я не отстаиваю „святую правду“, но знай, что твоей не приму. Отгорить костеръ — послѣднюю искру затушу своей дрожащей, слабой рукой...”

Изъ письма моей матери я узналъ, что Н. застрѣлился спустя три мѣсяца послѣ приведеннаго мной его письма. Вѣроятно, костеръ догорѣлъ, а силъ раздуть не стало.

ОТЪ И.

1921 г. Софія.

.....„Мертвечина, мертвечина, другъ мой. Что ни говори, а неустрашимый отпечатокъ пережитого въ душѣ остался. Во мнѣ произошла рѣзкая ломка: вѣсти, какія бы онѣ ни были, меня не радуютъ, не печалютъ, на меня напало какое-то тупое равнодушіе и сонъ въ мысляхъ. Сначала, когда я лежалъ въ психіатрической больницѣ въ Кишиневѣ, мнѣ казалось, что необыкновенное свѣтлое облегченіе, наступившее послѣ тяжелыхъ дней нашего многотруднаго перехода, и было то обновленіе, котораго я такъ мучительно ждалъ; потомъ, когда меня выпустили на волю и безъ гроша въ карманѣ я уѣхалъ въ Болгарію, мнѣ показалось, что это обновленіе обманчиво, что за нимъ начинается какая-то новая сѣрая паутина ощущеній, и она мягко и тонко обволакиваетъ меня, и я уже начинаю чувствовать ея вяжущее пыльное прикосновеніе.

Такъ и вышло. Я тоскую о брошенной въ Россіи женѣ, но смерть ребенка (получилъ письмо) я принялъ безболѣзненно. Я не хочу никуда ѣхать, у меня нѣтъ опредѣленныхъ желаній или оформленныхъ стремленій.

Пишу дневникъ. Много разъ спрашивалъ себя — зачѣмъ я это дѣлаю? И всякій разъ я нахожу отвѣтъ — „такъ, а что же дѣлать?“....

Куда ты уѣхалъ изъ Бендеръ? Какимъ образомъ вышло, что мы почти всѣ распылились по разнымъ эшелонамъ? О себѣ расскажу немного: въ горячкѣ обстрѣла и суеты я едва успѣлъ уцѣпиться за какую-то площадку; на ней доѣхалъ до Кишинева. На вокзалѣ я свалился, меня подобрали и унесли. Очнулся я лишь въ больницѣ — надо мной стояли докторъ въ бѣломъ халатѣ и какая-то сестра. На мои вопросы они не отвѣчали и, долженъ тебѣ признаться, почти два мѣсяца я, кажется, въ самомъ дѣлѣ былъ въ горячечномъ бреду и путалъ всѣ слова и понятія. Потомъ, слава Богу, поправился. Что было послѣ — я уже сказалъ: я уѣхалъ въ Софію. Здѣсь поступилъ на службу мелкимъ чиновникомъ, изучилъ болгарскій языкъ — это оказалось дѣломъ нетруднымъ. Объ остальныхъ узналъ мало: Н. въ Россіи, служитъ спецемъ во всеобучѣ, защищаетъ большевизмъ, являясь его знаменосцемъ. Мы этого ожидали отъ него еще тамъ — помнишь? — въ подольскихъ степяхъ.

Полковникъ Ц., что руководилъ нами въ Бахмачѣ, уѣхалъ во Францію. Жена его умерла — не вынесла операціи. Здѣсь онъ былъ мимоѣздомъ. Кланялся тебѣ. — О Г. (припомни Бахмачъ) слышалъ, что онъ и „иже съ нимъ“ застряли гдѣ-то въ Кіевѣ при наступленіи и отступленіи Петлюры и Деникина. Вѣроятно, или служатъ на „государственной службѣ“, или „умерли“...

Слышалъ еще, что Ч. уѣхалъ во Владивостокъ: ему удалось какимъ-то образомъ устро-

ится на пароходѣ въ Галацѣ. Соратникъ его Я. служить въ польскихъ драгунахъ; мнѣ разсказывалъ одинъ знакомый, прѣхавшій изъ Варшавы, что Я. неузнаваемъ: онъ сдѣлался ярымъ руссофобомъ. Очевидно, Россія и русскіе для него нужны были „постольку — поскольку“. Формула эта объемиста — допускаетъ толкованіе многообразное и богатое. А помнишь пасхальную ночь въ Тирасполѣ?... Какъ горячо заявлялъ онъ о своей преданности и любви къ Россіи. Пьяный туманъ — не больше.

И неужели вся наша борьба прошла въ этой полосѣ, и ни единого проблеска свѣтлой мысли, определеннаго начала, ясныхъ рѣшеній не было у насъ, пролившихъ кровь и потъ во имя Россіи?...

Я не привожу цѣликомъ письма И. Изъ него видно, что если „мертвечина“, какъ паутина, и залегла въ настроенія И., — онъ остался вѣрнымъ самому себѣ: переоцѣнилъ цѣнности, но не уклонился отъ избраннаго пути.

Omnia mea mecum porto.

Берлинъ, 1922 г.

О Г Л А В Л Е Н І Е

	Стр.
Къ югу.	7
Бахмачъ	9
Черезъ Днѣпръ	20
Бѣлая Церковь.	24
Черноморцы.	27
По разнымъ дорогамъ.	31
Театръ	33
Въ пути	37
Чернорудка	39
Шпіонъ.	46
„Контръ-революція“.	53
Ночь поэзіи.	58
Бѣгство	63
Бѣлый замокъ.	67
Тирасполь.	74
Пасхальная ночь	85
Первый актъ драмы.	90
Второй актъ.	95
Развязка	98
Письма о концѣ: 1. (отъ Н.)	105
2. (отъ И.)	108